

Научная статья

УДК 94(47).084

[https://doi.org/ 10.23859/2587-8344-2023-7-4-1](https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-1)

EDN PNEPKD

Лагеря для военнопленных Советско-литовской и Советско-польской войн на территории РСФСР (1918–1922 гг.)

Илья Витальевич Удовенко

Музей истории ГУЛАГа,

Москва, Россия,

ilvitud@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3293-1497>

Ilya V. Udovenko

Gulag History Museum,

Moscow, Russia,

ilvitud@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3293-1497>

Аннотация. Статья посвящена исследованию концентрационных лагерей и лагерей принудительных работ на территории РСФСР, в которых содержались военнопленные советско-литовской и советско-польской войн в период с 1918 по 1922 г. В качестве основной источниковой базы данного исследования использовались делопроизводственные и статистические материалы: отчеты, доклады, документы межведомственной переписки, инспекторских проверок лагерей, Главного управления принудительных работ, а также Польского отдела, созданного при политическом управлении Революционного военного совета Республики, и Польского бюро (Польбюро) ЦК РКП(б). Кроме того, в статье использовались данные, полученные из личных прошений и коллективных заявлений военнопленных различного характера. В статье прослеживается эволюция лагерной системы, начиная с периода Первой мировой войны. С приходом советской власти и глобальным изменением вектора внутренней политики была сформирована новая лагерная структура, которая перешла из Наркомата по военным делам в Наркомат внутренних дел РСФСР. Обновленная лагерная система концентрировала пленных Первой мировой войны, пленных Гражданской войны, военнопленных новых военных компаний в Прибалтике и Польше, а также классовых врагов советской власти. Таким образом, грань между понятиями «военнопленный» и «заключенный» в первые годы советской власти внутри концлагерей была нечеткой. Зачастую представители этих категорий содержались в лагерях совместно и не имели отличий в режиме и трудовом использовании. Только к 1920–1921 гг. в РСФСР начался процесс по выделению категории военнопленных в отдельные лагеря и приданию им

© Удовенко И.В., 2023

© Udovenko I., 2023

самостоятельного статуса. За годы существования лагерной системы НКВД РСФСР через нее прошли порядка 40 тыс. военнопленных из Прибалтики и Польши, из которых около 35 тыс. человек были репатриированы, а около 3 тыс. по разным причинам остались в РСФСР.

Ключевые слова: концентрационные лагеря, лагеря принудительных работ, советско-литовская война, советско-польская война, ГУПР, Польшбюро, военнопленные, репрессии, репатриация

Для цитирования: Удовенко И.В. Лагеря для военнопленных Советско-литовской и Советско-польской войн на территории РСФСР (1918–1922 гг.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1121–1172, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-1>

Camps for Prisoners of the Lithuanian-Soviet and Polish-Soviet Wars in the Territory of the RSFSR (1918–1922)

Abstract. The article is devoted to the study of the concentration camps and forced labor camps that contained prisoners of the Lithuanian-Soviet and Polish-Soviet wars in the territory of the RSFSR in the period from 1918 to 1922. As the main source base of this study, clerical and statistical materials were used: reports, returns, interdepartmental correspondence, materials of camp inspections; documents of the Main Directorate of Forced Labor, the Polish Department established under the political directorate of the Revolutionary Military Council of the Republic, and the Polish Bureau of the Central Committee of the RCP(b). In addition, the article used the data obtained from personal petitions and collective statements of prisoners of war of various kinds. The article retraces the evolution of the camp system starting from the period of the First World War. With the establishment of Soviet power and the global change in the vector of domestic policy, a new camp structure was formed, which was transferred from the People's Commissariat for Military Affairs to the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR. The updated camp system concentrated prisoners of the First World War, prisoners of the Civil War, prisoners of the new military campaigns in the Baltic states and Poland, and class enemies of the Soviet regime. Thus, the distinction between the concepts "prisoner of war" and "prisoner" inside concentration camps was unclear during the first years of the Soviet rule. The representatives of these categories were often held in the camps together and there were no differences in their custodial control and labor use. It was only by 1920–21 that the RSFSR had begun the process of concentrating the category of prisoners of war into separate camps and giving them an independent status. During the years of existence of the camp system of the NKVD of the RSFSR, about 40,000 prisoners of war from the Baltic states and Poland passed through it, of whom about 35,000 people were repatriated, and about 3,000 stayed in the RSFSR for various reasons.

Keywords: concentration camps, forced labor camps, Lithuanian-Soviet War, Polish-Soviet War, GUPR, Polish Bureau, prisoners of war, repression, repatriation

For citation: Udoenko, I.V. "Camps for Prisoners of the Lithuanian-Soviet and Polish-Soviet Wars in the Territory of the RSFSR (1918–1922)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 4 (2023): 1121–72, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-1>

Введение

Историография советско-литовской, советско-польской войны и, в частности, советского плена этого периода довольно обширна. Тема советского плена до 1970-х гг. ни в Советском Союзе, ни за рубежом практически не изучалась ввиду отсутствия репрезентативной источниковой базы. Единственным исключением стал опубликованный в 1972 г. труд английского историка Н. Дэвиса¹, посвященный теме военнопленных советско-польской войны. В этот же период за рубежом вышло несколько работ, которые затрагивали тему концлагерей в Советской России в контексте проведения большевиками политики красного террора².

Первые научные труды по советскому плену периода 1918–1922 гг. появились в Польше в середине 1990-х гг. Здесь стоит отметить работу польских историков С. Александровича и З. Карпуса, которая представляет собой сборник не публиковавшихся ранее документов под общим названием «Победители за решеткой. Польские военнопленные в плену (1919–1922 гг.)»³. Данный сборник иллюстрирует представление польских исследователей о «польско-советской войне и польско-литовской борьбе», а также содержит ряд уникальных документов по истории советского плена. В 1994 г. в Париже вышел сборник документов с научными комментариями Н. Верта и Г. Мулека, который давал представление о формировании и деятельности системы лагерей в ранний советский период⁴. В эти же годы были опубликованы первые научные труды отечественных историков, посвященные советско-польской войне и проблемам как советского, так и польского плена⁵.

Серьезные публикации на тему советского плена периода 1918–1922 гг. в отечественной историографии появились только в середине 2000-х гг. Среди них отметим фундаментальные труды российского историка И.И. Костюшко,

¹ *Davies N.* White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War 1919–1920 and The Miracle on the Vistula. New York: St. Martin's Press, 1972.

² *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1919–1920: The Defeat of the Whites. Berkeley, CA: University of California Press, 1977; *Zorin L.* Soviet prisons and concentration camps: An annotated bibliography, 1917–1980. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1980 и др.

³ *Karpus Z., Alexandrowicz S.* Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922): Dokumenty i materiały. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995.

⁴ *Werth N., Moullec G.* Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels. Paris: Gallimard, 1994.

⁵ *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. Москва: Институт славяноведения и балканистики, 1994; *Райский Н.С.* Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. Москва: Институт российской истории РАН, 1999.

который в 2005 г. издал свою работу⁶, где на весьма широкой источниковой базе раскрыл попытку советизации Польши в период ведения боевых действий в 1919–1921 гг. В том же 2005 г. историк выпустил сборник документов⁷, связанных с польскими военнопленными в советском плену. Помимо уникальных документов сборник содержит научные комментарии и статьи, в которых приведены статистические данные о советском плене. Стоит сказать, что в 2000-е гг. велась активная работа как российских, так и польских историков по изучению советско-польских отношений. Серьезным научным достижением в данном направлении стал фундаментальный совместный труд «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях», в котором подробно представлены как предыстория и ход самого конфликта 1919–1921 гг., так и судьбы польских и советских военнопленных по разные стороны фронта⁸.

Подлинный интерес к теме советского плена возник уже в наши дни. В 2020 г. Институт национальной памяти в Польше опубликовал сборник, в который вошли статьи польских историков, посвященные военнопленным полякам и красноармейцам. В частности, в нем представлена работа В. Резмера «Польские военнопленные в советском плену»⁹, где тщательно проанализирована проблема репатриации польских пленных. В это же время вышла целая серия работ российских историков, которые рассматривают проблему военнопленных поляков на материалах региональных архивов¹⁰.

⁶ Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б) 1920–1921 гг. Москва: Институт славяноведения РАН, 2005.

⁷ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы). Документы и материалы / составитель И.И. Костюшко. Москва: Институт славяноведения РАН, 2004.

⁸ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под редакцией А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. Москва: Аспект Пресс, 2010.

⁹ Резмер В. Польские военнопленные в советском плену // Военнопленные 1920 / под редакцией П. Грыца; перевод с польского И. Мельникова. Краков; Варшава: Instytut Pamięci Narodowej; Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2020. С. 69–165.

¹⁰ Оплаканская Р.В. Положение польских военнопленных в Сибири в начале 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 116–119; Мистрюгов П.А. Поляки – заключенные и военнопленные в 1918–1921 годах (по материалам Самарской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 530–534; Чевардин А.В. Поляки на Урале в эпоху войн и революций (1914–1924 гг.) // Человек в мире культуры. 2017. № 2–3 (21). С. 152–155; Белова И.В. Военнопленные советско-польской войны в лагерях принудительных работ в 1920–1921 гг. По материалам центральных губерний Европейской России // Военно-исторический журнал. 2021. № 12. С. 76–81; Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4 (106). С. 21–34; Летуновский П.В., Гавриленков А.Ф. «Принудительным трудом, в

Отдельно отметим совместный труд смоленских историков Е.В. Кодина и И.И. Родионова, которые, помимо исследования лагерей Центральной России, тщательно изучили процесс репатриации польских военнопленных в 1921–1922 гг.¹¹

При подготовке настоящей статьи использовались архивные материалы фондов Государственного архива Российской Федерации, в частности, фонды Наркомата внутренних дел РСФСР (ф. Р-393) и Главного управления мест заключений НКВД РСФСР (ф. Р-4042), а также документы из фондов Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) (ф. 63) и Временного революционного комитета Польши (Польревком) (ф. 68) Российского государственного архива социально-политической истории. Кроме того, был проанализирован ряд документов Политического управления рабоче-крестьянской Красной Армии (ф. 9.) из фондов Российского государственного военного архива.

Основная часть

Система лагерей для содержания военнопленных начала формироваться в России с началом Первой мировой войны, когда осенью 1914 г. в страну прибыли первые партии пленных австрийских солдат. Всего, по разным оценкам, за годы войны в плен к русским попали порядка 2,5–3 млн военнослужащих вражеских армий. В октябре 1914 г. Россия приняла «Положение о военнопленных», которое вводило еще более гуманные принципы обращения с пленными в сравнении с Гаагской конвенцией¹². Долгое время считалось, что первые концентрационные лагеря для военнопленных в России были сформированы в индустриальных и промышленных районах империи (Донбасс, Баку, Европейский Север) только в 1915 г., но современные архивные данные свидетельствуют, что подобного рода лагеря существовали уже в 1914 г. Так, согласно сведениям, полученным из переписки ВЧК с комендантом московского Кожуховского лагеря за 1919 г., стало известно, что этот лагерь, располагавшийся рядом с Симоновым монастырем у деревни Кожухово (в настоящее время является частью Москвы), был устроен в самом начале войны. Согласно этой же переписке, через Кожуховский лагерь с

строгой трудовой дисциплине искупают свою вину...» Положение польских военнопленных и заключенных в Смоленском концлагере в 1919–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2023. № 5. С. 100–107.

¹¹ Кодин Е.В., Родионов И.И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 72–88.

¹² Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 148.

1914 по 1919 г. прошло 1,5 млн военнопленных¹³. Столь большое количество пленных свидетельствует, вероятно, о пересыльном назначении лагеря.

Всего за годы Первой мировой на территории Российской империи для содержания военнопленных было образовано около 400 концлагерей, которые имели привязку к военным округам. Больше всего лагерей располагалось в Центральной России, в Московском (128) и Казанском (113) военных округах¹⁴. Таким образом, к моменту Февральской революции Россия уже имела некоторый практический опыт в устройстве подобных лагерей, сеть которых распространилась практически по всей европейской территории империи, а также в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Труд военнопленных использовался в различных сферах народного хозяйства, от добычи угля в Донбассе и строительства Мурманской железной дороги до уборки городских территорий.

Период двух революций характеризовался массовым бегством и частичной репатриацией военнопленных из российских лагерей, чему способствовало полное разложение, а затем и ликвидация Русской императорской армии, осуществлявшей надзор и охрану лагерей. При этом существенная часть пленных оставалась в России. С 1917 г. на территории страны работали представители Датского и Шведского Красного Креста, которые оказывали материальную и медикаментозную помощь военнопленным. По данным зарубежных историков, в период с декабря 1917 по март 1918 г. из России было репатрировано около полумиллиона военнопленных¹⁵. Юридически процесс возвращения на родину пленных был оформлен после подписания 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора, который предусматривал скорейший обмен военнопленными. Уже весной–летом 1918 г. из РСФСР вернулись на родину сотни тысяч австро-венгерских и германских солдат. Для организации процесса репатриации 23 апреля 1918 г. при Наркомате по военным делам была создана Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, сокращенно Центропленбеж¹⁶ (с февраля 1920 г. – Центральное управление по эвакуации населения, Центрэвак). Руководителем коллегии стал И.С. Уншлихт – ближайший соратник Ф.Э. Дзержинского. В ведение

¹³ Сведения Кожуховского лагеря Принудительных работ о ходе работ по организации лагеря. 20.III.1919 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 393. Оп. 89. Д. 15 б. Л. 24.

¹⁴ *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны. Москва: Редакторско-издательский центр МГОПУ, 1999. С. 87.

¹⁵ *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны. С. 151.

¹⁶ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 165–167.

Центропленбежа попали все концентрационные лагеря, имевшиеся на тот момент в стране.

7 августа 1918 г. СНК подписал Декрет «О российском обществе Красного Креста», согласно которому РСФСР признавала преемственность с имперской организацией Красного Креста. Новообразованный РОКК обязывался осуществлять контроль над исполнением всех существующих международных норм, включая Гаагскую конвенцию по обращению с военнопленными, что было крайне актуально в условиях многочисленных внутренних и международных конфликтов с участием Советской России.

26 июня 1918 г. в структуре Центропленбежа появился культурно-просветительский отдел, на который была возложена миссия по агитации и пропаганде как среди вернувшихся на родину русских солдат, так и среди иностранных военнопленных. В начале 1918 г., еще до образования Центропленбежа, правительство предоставило всем пленным российское гражданство и дало им возможность вступать в ряды Красной армии¹⁷, что сделало концентрационные лагеря периода Гражданской войны одним из инструментов пополнения Красной армии в 1918–1922 гг. Во внутреннем делопроизводстве слово «военнопленный» заменили на «иностраный пролетарий»¹⁸. 24 мая 1919 г. Центропленбеж был передан в НКВД РСФСР, а через полтора года, в декабре 1921 г., все губернские и уездные центры эвакуации населения были ликвидированы. В конце 1922 г. было окончательно упразднено Центральное управление по эвакуации населения¹⁹. По данным этого ведомства, на 1 января 1921 г. официально покинули Россию 3 572 900 беженцев и 1 409 600 военнопленных, а число вернувшихся в РСФСР пленных составило 3 171 100 чел.²⁰ Окончательно репатриация военнопленных Первой мировой войны из Советской России закончилась в 1922 г.

¹⁷ *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны. С. 152.

¹⁸ Отчет о деятельности заграничных агентур Центрэвака по оказанию помощи военнопленным. Март 1920 г. // ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 23. Д. 1. Л. 20.

¹⁹ *Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 49.

²⁰ *Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. С. 50.

Мы воюем с панским родом, а не с польским трудовым народом!

Советский плакат времен советско-польской войны. 1919–1921 гг.

Источник: Военно-исторический журнал. URL: <http://history.milportal.ru/sovetsko-polskaya-vojna/>

Зимой–летом 1918 г., в ходе первой волны массовой репатриации иностранных военнопленных, лагеря Центропленбежа начали освобождаться, и именно в это время институт лагерей в России перешел на новый виток в развитии. Необходимо заметить, что после Октябрьской революции 1917 г., в первые годы советской власти, на территории РСФСР существовали три параллельные системы мест заключения: Народного комиссариата юстиции (НКЮ), куда входили тюрьмы, дома заключения (домзаки) и др. для уголовных преступников; Наркомата по военным делам, который заведовал концентрационными лагерями для военнопленных, и ВЧК, которая с лета 1918 г. приступила к созданию собственной сети лагерей для активных противников советской власти. Первоначально лагеря ВЧК располагались в освободившихся лагерях для военнопленных Центропленбежа. Подобные учреждения официально узаконили постановлением СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г., более известным как декрет «О красном терроре». Так практика содержания иностранных военнопленных в лагерях стала постепенно вытесняться новым форматом – содержанием пленных Гражданской войны, т.е. отечественного контингента.

Однако, несмотря на это изменение, существенную часть заключенных в период Гражданской войны продолжали составлять иностранные военнопленные. Исследователь Севастопольского лагеря И.В. Островская считает, что идея создания советских концлагерей для иностранцев

принадлежит Л.Д. Троцкому и впервые пришла к нему «в конце мая 1918 года, когда предполагалось разоружение чехословацкого корпуса»²¹. В действительности же приказ наркома по военным делам обязывал военных комиссаров «разоружить чехословаков, а в случае оказания сопротивления отправлять в лагеря для военнопленных»²². То есть в приказе речь шла все же об использовании уже существующих лагерей для военнопленных времен Первой мировой. Но, вероятно, именно эти события стали первым опытом советской власти по созданию собственных лагерей в период Гражданской войны. В любом случае, стоит полагать, что такая форма удерживания своих противников как концентрационный лагерь использовалась большевиками уже с весны 1918 г.

Первоначально концлагеря ВЧК устраивались в уже существующих строениях: бывших царских казармах, гимназиях, усадьбах, а также в разоренных православных монастырях, которые, имея высокие ограды, башни и множество различных помещений, как нельзя лучше подходили для этих целей. Следующий эволюционный виток в развитии советской лагерной системы начался 3 апреля 1919 г., когда по предложению Ф.Э. Держинского НКВД РСФСР принял проект постановления ВЦИК «О концентрационных лагерях». Данное доработанное постановление ВЦИК вышло 15 апреля и в окончательном виде имело название «О лагерях принудительных работ». С этого времени материальное обеспечение и ведение хозяйства лагерей ложилось на НКВД РСФСР²³, внутри которого для этих целей было специально создано Главное управление принудительных работ (ГУПР). Несмотря на прямое указание ВЦИК о заключении в лагерь по классовому признаку, основным контингентом концлагерей в 1918–1920 гг. оставались военнопленные Гражданской войны, в том числе и иностранные граждане.

Лагерь периода Гражданской войны носили пограничный характер между лагерями принудительных работ для классовых врагов и концлагерями для военнопленных. Иностранные военнопленные стали массово попадать в лагеря ВЧК и НКВД РСФСР с конца 1918 г. До сих пор историки разных стран сохраняют разные подходы в изучении советско-литовской (1918–1919 гг.) и последовавшей за ней советско-польской (1919–1921 гг.) войн. Если с польской стороны данные вооруженные конфликты рассматривались как войны двух

²¹ *Островская И.В.* Оставить эти концентрационные лагеря для господ // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 46.

²² Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. / составитель А.Р. Ефименко. Москва: Кучково поле, 2018. С. 153.

²³ Постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ». 15.04.1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 98. Д. 6. Л. 15 об.–16.

самостоятельных держав, то в РСФСР, а затем и в современной российской традиции их принято рассматривать как часть Гражданской войны (в советской историографии – «третий поход Антанты»). Исходя из этих взглядов, военнопленные красноармейцы в Польше были подведомственны военному министерству Польши, а в Советской России польскими военнопленными занимался НКВД. Здесь необходимо напомнить, что ни РСФСР, ни Польша как вновь образованные государства не принимали конвенцию 1907 г. о военнопленных, поэтому пленные обеих сторон находились вне рамок международного правового поля. Более того, к красноармейцам в польских лагерях относились несравнимо хуже, чем к полякам в советских лагерях. Российский историк Г.Ф. Матвеев, детально исследовавший данные по количеству военнопленных, пишет о том, что на территории Польши в годы войны находилось 157 тыс. пленных красноармейцев, из них 75 699 чел. были возвращены на родину, а около 28 тыс. чел. погибли в плену²⁴.

На помощь! Все для фронта! Все на фронт!

Польский плакат времен советско-польской войны. 1919–1921 гг.

Источник: История пропаганды. URL: <https://propagandahistory.ru/181/Sovetsko-polskaya-voyna--1919-21---Plakaty-Polshi/>

²⁴ Матвеев Г.Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 годов // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 120–126; Корнилова О.В. Красноармейцы в польском плену (1919–1922): основные направления современной российской и польской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 355.

Согласно современным исследованиям, через советский плен за 1919–1921 гг. прошло около 38–40 тыс. польских военнопленных²⁵. В ряды польских пленников нередко попадали белогвардейцы, сражавшиеся на стороне Польши против большевизма. Пленные и перебежчики первоначально доставлялись в штабы дивизий, где проходили регистрацию и допросы, а оттуда направлялись в штаб армии или фронта для последующего распределения в концлагерь. Данные процедуры осуществлялись комиссией при Революционном военном совете армии (РВС), в которую входили уполномоченные ГУПР и Центропленбежа НКВД. В связи с наступлением Красной армии и неудачной попыткой советизации Польши 19 июля 1920 г. при ЦК РКП(б) было образовано Польское бюро под руководством Ф.Э. Дзержинского. Политическая работа по военнопленным была поручена Польской секции Политического управления Революционного Военного Совета Республики (РВСР ПУР), созданной 15 августа 1920 г.²⁶

В сентябре 1920 г. Совет труда и обороны (СТО) издал постановление, согласно которому пленные поляки переходили в ведение Главного управления общественных работ и повинностей²⁷. С этого времени военнопленных поляков начали размещать в лагерях НКВД РСФСР. В отчете Главного управления общественных работ и повинностей от 1 ноября 1920 г. лагерь для военнопленных были выделены в отдельную категорию.

В действительности СТО лишь узаконил уже существующую практику направления военнопленных в лагеря ВЧК и НКВД, которая осуществлялась с 1918 г. Но если с зимы 1918 г. до осени 1920 г. военнопленные содержались вместе с заключенными на равных условиях как преступный элемент, то с конца 1920 г. внутри НКВД РСФСР появились отдельные лагеря для военнопленных. Пленные советско-литовской войны 1918–1919 гг. в глазах советской власти не являлись военнопленными, а приравнивались к солдатам и офицерам Белой армии и содержались в лагерях на основании постановления Совета Рабоче-Крестьянской обороны от 19 июля 1919 г.:

²⁵ Отчеты Польшбюро давали цифры до 50 тыс. военнопленных на территории советских республик. И.И. Костюшко настаивает на 30 тыс. Но если учесть, тот факт, что около 35 тыс. пленников было репатриировано на родину в 1921 г., а также количество умерших в плену и оставшихся жить в СССР, то следует говорить о 38–40 тыс. пленников, побывавших в советском плену за 1919–1921 гг. Г.Ф. Матвеев в совместном русско-польском труде «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» называет цифру в 34–42 тыс. польских пленников.

²⁶ С сентября 1920 г. секция стала называться Польским отделом ПУР. 1 февраля 1921 г. Польский отдел ПУР из РВСР был передан в НКВД РСФСР.

²⁷ С сентября 1920 г. до февраля 1921 г. ГУПР на время был переименован в Главное управление общественных работ и повинностей.

Всех, проживающих на территории РСФСР иностранных подданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия в возрасте от 17 до 55 лет заключить в концлагерь <...> Все заключенные в концентрационных лагерях содержатся на общих основаниях²⁸.

Здесь необходимо заметить, что, согласно статье 15 Московского мирного договора, который был подписан спустя год после окончания боевых действий в 1920 г., все пленные прибалтийцы должны были быть отпущены. Данный процесс был сильно затянут советской стороной до подписания Рижского мирного договора 1921 г. В начале сентября 1920 г. все пленные «уроженцы белогвардейской Литвы» были вывезены из лагерей Центральной России, где содержались в 1918–1919 гг., в лагерь Урала²⁹. Советская власть в нарушение мирного договора решила оставить пленных прибалтийцев в качестве заложников:

Почти весь этот преступный элемент может быть использован в данный момент в числе заложников для обмена с Литовским правительством на наших партийных товарищей, помещающихся в белогвардейских тюрьмах³⁰.

Помимо военных, захваченных в плен на западных территориях РСФСР, в советский плен также попали поляки из 5-й дивизии польских стрелков, сформированной в мае 1919 г. в составе армии А.В. Колчака из пленных поляков Первой мировой войны, которые воевали на стороне Германии и Австро-Венгрии. Большая часть 5-й дивизии сдалась в плен Красной армии 10 января 1920 г. на станции Клюквенная (совр. Уяр) в 100 км от Красноярска. Именно поэтому лагерь для военнопленных поляков решено было расположить в районе Красноярска.³¹

Красноярский концлагерь № 1, открытый 25 мая 1920 г., располагался в 5 км от Красноярска и назывался «Военный городок». По количеству единовременно пребывавших в нем людей он являлся самым крупным лагерем

²⁸ Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны «Об иностранных подданных». 19.07.1919 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 8. Л. 1.

²⁹ Заявление начальника отдела принудработ в ГУПР об отправке прибалтийских пленных в Екатеринбург. 20.12.1920 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 153. Л. 17.

³⁰ Телеграмма заведующему отдела принудработ о разгрузке концлагерей от прибалтов. 3.04.1920 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 153. Л. 6.

³¹ Сводка № 2 Польшотдела ПУРа от 15 октября 1920 г.: о лагерях военнопленных поляков. 16.10.1920 г. // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 9. Оп. 12. Д. 12. Л. 15.

времен Гражданской войны, вмещая в себя на 15 октября 1920 г. 8 000 пленных. С начала 1921 г. пленных поляков стали распределять по другим лагерям Енисейской губернии в Ачинске, Канске и др., а некоторое количество заключенных было отправлено в Европейскую часть России. Всего к лету 1921 г. в Енисейской губернии оставался 5 621 пленный поляк³². Стоит заметить, что в эти же лагеря предполагалось направить солдат и офицеров Чехословацкого корпуса, который после поднятого мятежа весной 1918 г. выдвинулся на восток для дальнейшей эвакуации. Исполнявший обязанности начальника штаба второй Чешско-Словацкой дивизии подполковник Б.Ф. Ушаков вспоминал:

Все эти нарушения договоров заставили чехословаков обезвредить здешнюю советскую власть и обеспечить себе беспрепятственное движение на Владивосток... В дальнейшем, захватив уже власть в свои руки, мы неожиданно для себя нашли документальные данные о том, что заместитель председателя Канского объединенного Совета Андреев задержал наш эшелон для того, чтобы дать возможность прийти из Красноярска советскому эшелону, который должен был нас обезоружить и засадить в лагерь военнопленных³³.

И все же большая часть польского контингента размещалась в Центральной России и на Украине. Самыми крупными центрами сосредоточения польских военнопленных на 15 октября 1920 г. стали Ярославль – 3 355 чел., лагерь в Рязанской губернии на Побединских каменно-угольных копях – 1 701 чел., столица УССР Харьков и соседний Чугуев – 6 800 чел.³⁴ В отчете Польского отдела ПУРа от 15 октября 1920 г. было всего учтено 29 362 военнопленных поляка в 40 лагерях³⁵. В то же время, согласно отчетам Польшбюро агитации и пропаганды, в 37 лагерях РСФСР к началу 1921 г. содержалось 32 000 польских военнопленных³⁶. Лагерь для военнопленных устраивались не только в Центральной России, Карелии, на Урале и в Сибири, но и на только что занятых Красной армией территориях. Так, после наступательной операции Красной армии весной–летом 1920 г., в ходе которой были заняты территории Западной

³² Доклад в Главное управление общественных работ и повинностей по делам военнопленных поляков. 3.07.1921 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 81. Л. 9 об.

³³ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Т. 2. С. 154.

³⁴ Сводка № 2 Польшбюро ПУРа от 15 октября 1920 г.: о лагерях военнопленных поляков. 16.10.1920 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 12. Л. 15–15 об.

³⁵ Там же.

³⁶ Из отчета Польшбюро ЦК РКП за время с 1 мая 1920 г. по 15 ноября 1921 г.: о работе среди военнопленных // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.

Украины, были образованы два концлагеря для содержания военнопленных в городах Ровно и Владимире-Волынском. Также для содержания поляков был открыт ряд лагерей на территории УССР.

Советская пропаганда пыталась максимально укрепить в сознании пленных поляков мысль о том, что война ведется не против польского народа, а против польской шляхты во главе с Юзефом Пилсудским. В связи с этим 10 мая 1920 г. Л.Д. Троцким был издан приказ по войскам Западного и Юго-Западного фронтов «о великодушном отношении к пленным», где прямо указывалось на необходимость проведения политической агитации среди них:

...мы разъясним преступность его господствующих классов, мы просветим его сознание и сделаем нашим лучшим другом и единомышленником...³⁷.

Крестьянин! Польский помещик хочет сделать тебя рабом. Не бывать этому!

Плакат РСФСР времен советско-польской войны. 1919–1921 гг.

Источник: *mihalchuk_1974*. Эхо советско-польской войны. Часть-2. Советские плакаты 1919–1921 годов // LiveJournal. URL: <https://mihalchuk-1974.livejournal.com/170711.html>

Поскольку война рассматривалась советским руководством как часть классовой борьбы, в концлагерях разделяли польских солдат и офицеров, последние считались контрреволюционным элементом. Кроме того, поляков старались по возможности не смешивать с другими категориями лагерного контингента, в связи с чем многие лагеря принудительных работ

³⁷ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы). С. 20.

перестраивались специально для принятия военнопленных. За исключением уже упомянутых лагерей, обычно военнопленные комплектовались по 200–300 человек на один лагерь для более эффективной системы учета и организации их труда и быта.

Особый отдел ВЧК и НКВД признавал, что из-за нескоординированности действий на местах не могут произвести учет всех военнопленных. Например, начальник ГУПР НКВД З.Г. Зангвиль отмечал, что к 23 июля 1920 г. в Главном управлении принудительных работ из всех пленных поляков было учтено только 5 000 военнопленных³⁸. За поляками устанавливался особый надзор, полагались более приемлемые условия проживания, усиленное питание, наравне с тыловым питанием бойцов Красной армии. Несмотря на это, питание поляков было весьма скудным, продукты были очень низкого качества. По свидетельству самих пленных,

положение в лагерях пленных в отношении питания было очень плохим, однако проистекало это не из какой-то враждебной тенденции, а из общего скверного экономического состояния Советской России³⁹.

Смертность среди польских военнопленных была ниже, чем в других группах заключенных, и составляла порядка 6 % (около 2 000 человек)⁴⁰. С 24 сентября 1920 г. попечительство над пленными поляками при содействии Наркомата по иностранным делам было поручено лично Е.П. Пешковой – одной из руководительниц Политического Красного Креста.

Польбюро определяло, что по своему социальному составу военнопленные поляки были по преимуществу крестьянами, «среди которых весьма значительный процент полубатраков, а затем батраки и рабочие»⁴¹. За каждым лагерем закреплялись политинструкторы Польского отдела ПУРа из коммунистов-поляков. Инструкторы создавали в лагерях коммунистические ячейки, школы, клубы, организовывали митинги и др. Внедрение земляков-коммунистов в среду военнопленных рассматривалось Польбюро как продолжение политики Коминтерна по распространению революционного интернационального социализма. На территории подконтрольной большевикам Польши из активных членов Польбюро 30 июля 1920 г. под председательством Ю. Мархлевского был образован Временный революционный комитет Польши

³⁸ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы). С. 36.

³⁹ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы). С. 9.

⁴⁰ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. С. 43.

⁴¹ Инструкция ЦК РКП об отношении к военнопленным польской армии от 9 февраля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 197. Л. 2.

(Польревком), целью которого было создание базы для будущей Польской советской республики.

Ясновельможная Польша – последняя собака Антанты
Плакат РСФСР времен советско-польской войны. 1919–1921 гг.

Источник: *mihalchuk_1974*. Эхо советско-польской войны. Часть-2. Советские плакаты 1919–1921 годов // LiveJournal. URL: <https://mihalchuk-1974.livejournal.com/170711.html>

Польревком просуществовал менее месяца и был упразднен в связи с отступлением Красной армии из Польши. Однако за это время указанный революционный комитет сумел развернуть масштабные репрессии на территории Польши, абсолютно идентичные красному террору в России. 4 августа 1920 г. Польревком постановил

всех опасных для социалистической революции в Польше, всех представителей польской крупной буржуазии и помещиков, всех известных своим сочувствием белополякам арестовать и направить в концентрационные лагеря⁴².

В советском руководстве существовало две точки зрения на возможное развитие отношений с Польшей: провести восточную границу по линии Керзона, установленной Антантой 8 декабря 1919 г., или продолжить военные

⁴² Постановление Польревкома об аресте неблагонадежного населения. 4.08.1920 г. // РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

действия до полной советизации этой страны⁴³. Считалось, что при выборе второго варианта именно польские военнопленные «сыграют роль большевистской бациллы»⁴⁴ у себя на родине. А для этого необходимо было правильно поставить политическую работу в лагерях.

Всю важность агитаторского дела среди пленных В.И. Ленин осознавал еще до Революции 1917 г. В своем письме к И.Ф. Арманд из Цюриха 30 января 1917 г. он писал о чрезвычайной роли ведения пропаганды в лагерях на примере пленных Первой мировой войны:

У нас было недавно двое бежавших пленных <...> Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать. Пробыл год в немецком плену (вообще там тьма ужасов) в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагерь по нациям и всеми силами откалывают их от России; украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2000 были за “самостийность” (самостоятельность в смысле более автономии, чем сепарации) после месячных усилий агитаторов!! Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 – число большое. Год – срок большой. Условия для галицийской пропаганды – архиблагоприятные. <...> Насчет царя и бога все-де 27 000 вполне покончили, насчет крупных помещиков тоже. Озлобленные и просвещенные вернуться в Россию⁴⁵.

11 октября 1920 г. в рамках реализации агитационной политики Польшбюро приняло решение об освобождении части пленных поляков, которые принадлежали к партии Бунд и к еврейской социалистической рабочей партии (ОЕСРП). К февралю 1921 г. на территории РСФСР в лагерях НКВД для военнопленных поляков было открыто 29 школ для неграмотных, 9 клубов, 37 библиотек, 15 клубов-читален, 12 театров, создано 42 партийных кружка и 9 партийных школ⁴⁶. Культурно-просветительская и агитационная деятельность Польшбюро существенно активизировалась накануне подписания мирного соглашения и грядущего за ним процесса обмена пленными. Как отмечалось в докладах Польшбюро весной 1921 г.,

⁴³ *Костюшко И.И.* Из истории советско-польских отношений. С. 4.

⁴⁴ Инструкция ЦК РКП об отношении к военнопленным польской армии. 9 февраля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 197. Л. 3.

⁴⁵ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 49. Письма август 1914 – октябрь 1917 / под редакцией И.А. Гладкова, М.Я. Панкратовой. Москва: Издательство политической литературы, 1964. С. 377.

⁴⁶ *Костюшко И.И.* Из истории советско-польских отношений. С. 57.

задачей коммунистической работы среди пленнх является не создание любой ценой из пленнх партийных коммунистов, а приготовление их умов к революционной оценке отношений⁴⁷.

Как и в случаях с другими категориями заключеннх военнопленнх иностранцы, как правило, проходили через московские лагерь, которые являлись своеобразным транзитным пунктом перед отправкой в регионы. Первые литовские и польские пленнх в Москве начали появляться еще в 1919 г., но массово военнопленнх стали прибывать в столицу весной–летом 1920 г., что было связано с наступательными операциями Западного фронта Красной армии. После перехода всех военнопленнх в подчинение ГУПР НКВД 15 сентября 1920 г. два московских лагерь, Владыкинский и Рождественский, были освобождены от всех других заключеннх с целью размещения в них только пленнх поляков. Кроме того, для военнопленнх были образованы лагерные отделения на подмосковных станциях Крюково, Перерва, Фаустово и Томилино.

Всех остальных пленнх размещали в московских лагерьх вместе с другими категориями заключеннх. Как и остальные заключеннх, военнопленнх поляки по прибытии в Москву проходили двухнедельный карантин в Ново-Песковском лагере, после чего их распределяли по лагерьх постоянного пребывания. Из-за транзитного характера Ново-Песковского лагерь условия существования в нем были наиболее скверными. В лагере-распределителе регулярно не хватало ни белья, ни мест на нарах, военнопленнх приходилось спать вповалку на полу. Кроме того, здесь поляки находились в едином пространстве с ворами, рецидивистами и прочими уголовными преступниками, которые попросту отбирали у поляков провизию и личные вещи. Из-за отсутствия постоянного конвоя, который должен был сопровождать группы военнопленнх в другие лагерь, некоторые поляки проводили в Ново-Песковском лагере по несколько месяцев. Для высвобождения помещений этого лагерь-распределителя часть поляков отправляли на гауптвахту Московского Управления принудительных работ (Воронцовская ул., 13), где условия содержания были еще хуже, чем в пересыльном лагере.

К зиме 1921 г. в московских лагерьх содержалось 2 403 военнопленнх поляка⁴⁸. В отличие от прочих заключеннх, всему польскому контингенту было решено придать строгую организацию по подобию воинской части, поделив его на трудовые дружины. Всего было образовано 4 трудовые дружины по 418 человек, которые располагались в Рождественском,

⁴⁷ Цит. по: *Костюшко И.И.* Из истории советско-польских отношений. С. 57.

⁴⁸ Доклад командира бригады трудовых дружин военнопленнх поляков. 24.02.1921 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 156. Л. 38.

Владыкинском лагерьях и на станции Перерва⁴⁹. Дружины, в свою очередь, делились на роты, взводы и отделения. Подобной организацией советская власть хотела приравнять военнопленных к трудармейцам РККА как в части условий труда, так и в части оплаты. Однако офицерский состав дружин, который был выдвинут на руководящие должности в созданной структуре польских военнопленных, слабо поддавался советизации и не занимался политической агитацией в лагерях. Руководство Польотдела докладывало:

Совершенно непонятным является назначение “командного состава”, который в своем преобладающем большинстве стоит значительно ниже, как равно в отношении политической сознательности, так и моральном развитии. В сильной степени выявляются у них националистические чувства, а также совершенное отсутствие политической сознательности. Своим поведением ничуть не являются примером, которому следовало бы подражать⁵⁰.

На территории центральных губерний РСФСР⁵¹ поляки получали несравнимо лучшее материальное обеспечение по сравнению со своими земляками в других регионах: в лагерях, как правило, было электричество, а также водопровод, бани, столовые. Там были оборудованы мастерские, организованы внешние работы, а также разрешалась работа в советских учреждениях⁵². Зная ситуацию со снабжением лагерей, Ф.Э. Держинский 26 июля 1920 г. дал следующие указания Особому отделу ВЧК:

Обратите внимание на содержание пленных поляков. Примите меры к недопущению незаконных действий, озлобляющих их, не допустите отбирания мелких вещей и т.п.⁵³

Во исполнение этого указания инспекции Польбюро регулярно выезжали в лагеря с проверками, где значительное время уделяли урегулированию мелких конфликтов (драки, кражи и др.).

⁴⁹ Доклад командира бригады трудовых дружин военнопленных поляков. 24.02.1921 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 156. Л. 38.

⁵⁰ Выписка из доклада Польотдела ПУРа в Польбюро ЦК РКП от 11.12.1920 г. // РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 204. Л. 12.

⁵¹ *Кодин Е.В., Родионов И.И.* Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы. С. 28–29.

⁵² *Белова И.В.* Военнопленные советско-польской войны в лагерях принудительных работ в 1920–1921 гг. С. 77.

⁵³ Цит. по: *Костюшко И.И.* Из истории советско-польских отношений. С. 52.

Но большинство распоряжений высшего руководства, связанных с улучшением снабжения и содержания лагерей, в условиях военного коммунизма по объективным причинам выполнить было невозможно. Самое тяжелое положение сложилось в лагерях г. Чугуева под Харьковом:

С 1 сентября 1920 г. по 25 марта 1921 г. умерло в Чугуевском военном госпитале 307 человек. Тяжелые до невыносимости условия существования во 2-м Рабполку привели к дезертирству. В 3 и 4 роте с 1 января по 15 марта дезертировали 54 человека⁵⁴.

Среди военнопленных, как и среди остального контингента лагерей, часто вспыхивали эпидемии. Например, на территории Коломенского машиностроительного завода, где располагался лагерь для поляков, из 182 пленных, завезенных туда 25 сентября 1920 г., 168 человек болели брюшным тифом, из них 20 человек скончались⁵⁵. Из-за отчаянного положения военнопленные нередко решались на побег, которые чаще совершались с выездных работ и нередко становились массовыми. Рекордсменом по побегам пленных стал Звенигородский лагерь, откуда к лету 1920 г. сбежали 109 поляков, после чего оставшихся пленных распределили по другим лагерям.

Тем не менее, согласно документам Польбюро, советская власть старалась максимально положительно зарекомендовать себя в глазах военнопленных. В инструкциях для губпарткомов 1921 г. содержались рекомендации по улучшению быта поляков и оказанию содействия им в их просьбах и пожеланиях. Инспекции лагерей неоднократно отмечали, что производительность труда военнопленных, сформированных в дружины, намного выше, чем у других категорий заключенных. Военнопленные получали польские газеты, участвовали в самодеятельности в драматических кружках. Летом 1920 г. Польбюро предложило выпускать для московских военнопленных централизованную газету о жизни поляков в советских лагерях. Газета должна была сравнивать жизнь в Советской России и в Польше, заинтересовав крестьянскую часть пленных. Польбюро отмечало, что в условиях полной разрухи и голода устная агитация оказывает слабое влияние на поляков, которые неосознанно и бессмысленно соглашались с агитаторами, но в действительности сохраняли полное равнодушие к советской власти. На смену лекциям и митингам должно было прийти печатное слово, которое не

⁵⁴ Доклад начальника УКРПУРа тов. Скарбека о деятельности УКРПУРа по польским делам. 1.04.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 267. Л. 27.

⁵⁵ Отчет Польскому Бюро при Московском Комитете РКП об осмотре лагерей для военнопленных поляков, находящихся в пределах Московской губернии. 4.02.1921 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 151. Л. 90.

просто распространяло бы сухую пропаганду, а давало бы возможность самим пленным высказываться в газете о недостатках лагерного режима. Из-за отсутствия денежных средств на самостоятельное издание Польшбюро решило предоставлять слово заключенным через польскую газету «Млот», которая регулярно поступала в московские лагеря.

Поляки, являвшиеся членами Польской Социалистической партии и сочувствовавшие советской власти, принимали активное участие в политработе лагерей. Военнопленные, отличавшиеся более строгой дисциплиной, пользовались доверием у лагерного начальства. В свободное от работы время полякам разрешалось покидать лагерную территорию для прогулок по городу и деревням, за покупками в магазины и др. В середине XIX в. в Милютинском переулке Москвы был построен крупный римско-католический храм Апостолов Петра и Павла, являвшийся старейшим московским католическим приходом. После революции польские коммунисты организовали в соборе Польский рабочий клуб с театром и библиотекой. В 1920–1921 гг. работы по переустройству здания храма и организации клуба проводились силами московских польских трудовых дружин. В рабочем клубе также неоднократно устраивали спектакли и митинги для военнопленных. Митинги для поляков являлись особыми мероприятиями, на которых советская власть старалась максимально смягчить режим и показать свое расположение и сочувствие к пленным. В дни митингов военнопленные выходили из лагеря без сопровождения конвоиров и шли стройными рядами под красными знаменами, распевая революционные песни⁵⁶. Как правило, на подобные мероприятия отправлялись пленные Рождественского лагеря, который располагался в трех кварталах от рабочего клуба.

После значительного увеличения количества военнопленных поляков в московских лагерях в 1920 г., во избежание смешивания разных групп заключенных было принято решение о выведении всего контрреволюционного элемента в губернию. Для этого предполагалось открыть сразу несколько лагерей: в Казанском монастыре села Головино (в настоящее время территория Москвы, Головинский район), Зосимовском монастыре Верейского уезда, Хотьковском монастыре Сергиевского уезда и Влахерновском монастыре Дмитровского уезда. В результате многочисленных обследований данных мест было выявлено, что ни одно из них не подходит для размещения лагеря. Единственным местом, где можно было разместить заключенных, оказался Черниговский Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде. В декабре 1920 г. сюда из Москвы перевели 146 осужденных за

⁵⁶ Из отчета Польского бюро пропаганды и агитации при Московском комитете РКП от 16.06.1920 г. // РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 406. Л. 61.

контрреволюционные преступления, остальных контрреволюционеров вывезли в северные лагеря Архангельской губернии. Таким образом, особенности содержания военнопленных поляков оказывали опосредованное влияние на развитие лагерной системы страны, в частности на комплектование всех остальных лагерей ГУПР.

После подписания 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора, устанавливавшего территориальные границы, начался активный процесс репатриации военнопленных поляков из советских лагерей на родину. К лету 1921 г. были репатриированы практически все военнопленные – 34 839 чел.⁵⁷ Часть поляков, около 3 тыс. чел., сочувствовавших большевизму, пожелала вступить в ряды Красной армии или просто остаться жить в Советской России под подданством Польши. В частности, в отчете о деятельности Польбюро при Брянском губкоме партии от 17 апреля 1921 г. сообщалось следующее:

30 марта отправили всех пленных, кроме 23 товарищей-коммунистов, которые остались в Брянске, не желая возвращаться в белую Польшу, а также 10 больных, остающихся до сих пор в больнице. Среди них ведем в дальнейшем течении разъяснительную работу⁵⁸.

Надо сказать, что большинство оставшихся в РСФСР поляков не были убежденными коммунистами, а приняли данное решение исключительно по личным причинам, чаще всего из-за имевшихся в Советской России родственников. Например, один из заключенных Сормовского лагеря⁵⁹ в письме к коменданту так описывал свое положение:

Прошу Вашего ходатайства об исключении меня из списка военнопленных, подлежащих отправке в Польшу, так как ехать мне туда я не нахожу нужным. Ввиду того, что родных у меня вообще нет (умерли), а родственники почти все живут в пределах Советской России⁶⁰.

Военнопленные, получившие разрешение остаться в Советской России, при освобождении из лагерей получали в Отделе Труда трудовые книжки и приобретали все права наравне с гражданами РСФСР. Но все же подавляющая часть поляков ждала скорейшей отправки на родину, и летом 1921 г. в лагерях даже фиксировались случаи групповых голодовок в связи с задержками

⁵⁷ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы). С. 12.

⁵⁸ Отчет о деятельности Польбюро при Брянском губкоме партии от 17 апреля 1921 г. // Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы). С. 309.

⁵⁹ Село Сормово ныне входит в состав территории г. Нижний Новгород.

⁶⁰ Заявление польского военнопленного Сергея Даниловича Валлийского. Апрель 1921 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 215. Л. 54.

отправки военнопленных в Польшу. Многие из коллективных заявлений, требований и писем польских военнопленных с просьбами об ускорении отправки дают более широкое представление о проходимости лагерей ГУПР. Например, пленные Андрониковского лагеря в Москве писали:

Мы <...> в качестве гражданских пленных увезены в Смоленский лагерь, оттуда в Екатеринбург, Н. Тагил и наконец, обратно в Москву. <...> Просим отправить нас в Польшу первым предстоящим к отправке эшелонам⁶¹.

Подобные задержки с возвращением польских пленных были связаны в том числе с постоянными торгами между Россией и Польшей о количестве репатриантов, а также с невыполнением обеими сторонами ряда договоренностей. В частности, Польша отказывалась высылать из страны белогвардейцев. Каждая из сторон предполагала обменять меньшее количество пленных на большее количество соотечественников. Основной узловой станцией, куда направлялись пленные поляки, был Минск, где специальная комиссия Центрэвака распределяла их по казармам и пропускным пунктам. В результате продолжительных переговоров с польской стороной руководством РСФСР было принято решение об обмене военнопленных по схеме «всех на всех»⁶². В качестве нормативной базы для регулирования процесса репатриации 26 февраля 1921 г. Реввоенсовет Республики издал приказ, содержащий «Правила о порядке обслуживания при обмене пленными и беженцами с Польшей»⁶³. Правила предписывали ГУПР сопровождать эшелоны с пленными до обменных пунктов. Согласно этим распоряжениям, 3 марта 1921 г. ГУПР издал приказ начальникам лагерей о начале формирования групп пленных в губернских центрах для отправки. В первую очередь отправке подлежали больные и инвалиды.

Одновременно с репатриацией военнопленных с весны 1921 г. в России и Украине начался процесс закрытия и расформирования ряда лагерей, в которых содержался исключительно польский и литовский контингент. Так, за первое полугодие 1921 г. были закрыты лагеря в Орле, Рославле, Харькове, Чугуеве, Мурманске, Западной Украине и Карелии. Всего за 1921 г. было закрыто

⁶¹ Заявление польских граждан в смешанную Комиссию для репатриации. 10.07.1921 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 206. Л. 24–24 об.

⁶² *Кодин Е.В., Родионов И.И.* Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922). С. 76.

⁶³ Приказ Революционного Военного Совета Республики, НКВД и Народного комисариата здравоохранения № 474-69/590 (по Центрэваку). 26.02.1921 г. // ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 1а. Д. 12. Л. 77 об.–80.

39 лагерей. В большинстве регионов России и Украины репатриация военнопленных закончилась к осени 1921 г. В дальнейшем репатриация проходила уже в точечном режиме и касалась отдельных лиц. Окончательно процесс возвращения польских и литовских военнопленных был завершён через год, осенью 1922 г.

Заключение

Содержание военнопленных литовской и польской армий в концентрационных лагерях и лагерях принудительных работ являлось прямым продолжением политики концентрации пленных Первой мировой войны. Институт концлагерей, сформированный в Российской империи, стал органичной частью ранней советской системы, которая привнесла в него новые идеи и смыслы. Активное ведение внешней политики на территории западных окраин бывшей империи совпало с периодом Гражданской войны. В глазах большевистского руководства все эти военные действия носили выраженный классовый характер, что позволило приравнять военнопленных литовцев и поляков к пленным Гражданской войны. Исходя именно из этих соображений, советская власть не видела смысла дробить лагерное управление для содержания всех категорий пленных между Наркоматом по военным делам и Наркоматом внутренних дел. Центральная комиссия по делам пленных и беженцев, созданная в 1918 г. изначально в составе военного ведомства, которой были подведомственны лагеря для военнопленных, весной 1919 г. была передана в НКВД РСФСР.

Лагеря ВЧК-НКВД РСФСР, существовавшие с 1918 по 1922 г., характеризовались по большей части смешанным типом содержания, сочетавшим в себе пенитенциарную функцию по отношению к заключённым и концентрационную – к военнопленным и беженцам как Первой мировой войны, так и последующих внешних конфликтов с участием РСФСР. Советско-польская война дала небывалый толчок к развитию лагерной системы в Советской России, Беларуси и Украине. Осознавая нежелательность пребывания военнопленных в одном пространстве с уголовными преступниками и контрреволюционерами, НКВД стремился организовать для иностранного контингента отдельные лагеря или, по крайней мере, лагерные отделения, что в полной мере было осуществлено в Москве. Однако из-за большого потока пленных, которых насчитывалось около 40 тыс. чел., и массы проблем в экономике страны первых лет советской власти обеспечить изолированность содержания не удавалось, и военнопленные часто содержались в лагерях совместно с заключёнными.

Количество заключённых военнопленных поляков и литовцев существенно разнилось по регионам и зависело от ряда обстоятельств. Так, самый большой

лагерь для военнопленных поляков располагался в Красноярске и насчитывал до 8 тыс. пленных. Устройство столь крупного по меркам того времени лагеря было обусловлено местом пленения польской дивизии. Крупные лагеря для военнопленных располагались на территории УССР, в Харькове и Чугуеве. Кроме того, лагеря образовывались на территориях, занятых в ходе наступательных операций Красной армии, в частности на Волыни. В целом военнопленные содержались примерно в 40 лагерях ГУПР НКВД.

Поскольку с 1920 г. военнопленные подчинялись Главному управлению принудительных работ, физический труд был обязательным условием их существования в лагере. Советская власть хотела приравнять военнопленных к трудармейцам РККА как в плане условий труда, так и в плане снабжения, питания и оплаты труда. По большей части все эти условия не выполнялись, в основном из-за низкого материального обеспечения лагерей, связанного с тяжелой экономической ситуацией в стране. Тем не менее, многочисленные отчеты и доклады начальников лагерей свидетельствуют, что производительность трудовых дружин военнопленных была на порядок выше, чем других категорий заключенных.

Несмотря на отчаянные попытки советизации военнопленных внутри лагерей, иностранные пленные предпочитали оставаться аполитичными и не поддавались патетической агитации. В большинстве своем пленные литовцы и поляки, равно как и пленные Гражданской войны, были выходцами из крестьянских слоев и не имели сформированной политической позиции. Из 35 тыс. репатриированных пленных в 1921 г. лишь около 3 тыс. чел. пожелали остаться в Советской России либо вступить в ряды Красной армии. Одновременно с процессом репатриации, который был массово запущен после подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., в стране начали закрываться и переформировываться лагеря, в которых содержались военнопленные. Всего за 1921 г. было закрыто 39 лагерей. Окончательно лагерная система НКВД РСФСР перестала существовать в конце 1922 г.

Introduction

The historiography of the Lithuanian-Soviet War and Polish-Soviet War and, in particular, of the Soviet captivity of that period is quite extensive. Until the 1970s, the topic of Soviet captivity had hardly ever been studied either in the Soviet Union or abroad due to the lack of a representative source base. The only exception was the work published in 1972 by English historian N. Davis,¹ dedicated to the topic of prisoners of war of the Polish-Soviet War. During the same period, several works were published abroad that touched upon the topic of concentration camps in Soviet Russia in the context of the Bolsheviks' policy of the Red Terror.²

The first scholarly works on the Soviet captivity of the period of 1918–22 appeared in Poland in the mid-1990s. Here it is worth noting the work by Polish historians S. Alexandrowicz and Z. Karpus, which is a collection of previously unpublished documents under the general title *Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922)* [Winners behind bars. Polish prisoners of war in captivity (1919–1922)].³ This collection of documents illustrates the idea of Polish researchers about the “Polish-Soviet War and Polish-Lithuanian struggle” and contains a number of unique documents on the history of Soviet captivity. A collection of documents with scholarly commentary by N. Werth and G. Moullec was published in Paris in 1994. It gave an idea of the formation and activity of the camp system in the early Soviet period.⁴ In the same years, the first works of Russian historians devoted to the Polish-Soviet War and the problems of both Soviet and Polish captivity were published.⁵

Serious publications on the topic of the Soviet captivity of the period of 1918–22 appeared in Russian historiography only in the mid-2000s. Among them, let us note the fundamental works by Russian historian I. Kostyushko. In 2005, he published the

¹ N. Davies, *White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War 1919–1920 and the Miracle on the Vistula* (New York: St. Martin's Press, 1972).

² P. Kenez, *Civil War in South Russia, 1919–1920: The Defeat of the Whites* (Berkeley, CA: University of California Press, 1977); L. Zorin, *Soviet Prisons and Concentration Camps: An Annotated Bibliography, 1917–1980* (Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1980); et al.

³ Z. Karpus, and S. Alexandrowicz, *Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922): Dokumenty i materiały* (Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995).

⁴ N. Werth, and G. Moullec, *Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels* (Paris: Gallimard, 1994).

⁵ I.V. Mikhutina, *The Polish-Soviet War of 1919–1920* [in Russian] (Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki, 1994); N.S. Raiskii, *The Polish-Soviet War of 1919–1920 and the fate of prisoners of war, internees, hostages and refugees* [in Russian] (Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1999).

work⁶ on an attempt to Sovietize Poland during the period of hostilities in 1919–21, which was based on a very wide range of source. In the same 2005, the historian published a collection of documents⁷ dedicated to Polish prisoners of war in Soviet captivity. In addition to unique documents, the collection contains scholarly commentary and articles that provide statistical data on Soviet captivity. It is worth saying that in the 2000s, both Russian and Polish historians were actively working to study Soviet-Polish relations. A serious achievement of joint work in this area was the fundamental work *White Spots – Black Spots: Difficult Matters in Polish-Russian Relations, 1918–2008*, which presented in detail the background and the course of the conflict of 1919–21 as well as the fate of Polish and Soviet prisoners of war on different sides of the front.⁸

A genuine interest in the topic of Soviet captivity has arisen in our days. In 2020, the Institute of National Memory in Poland published a collection, which includes articles by Polish historians dedicated to Polish prisoners of war and Red Army soldiers. In particular, it contains the work by V. Rezmer “Polish Prisoners of War in Soviet Captivity,”⁹ where the problem of repatriation of Polish prisoners of war was thoroughly analyzed. A series of works by Russian historians was published at the same time. They considered the problem of Polish prisoners of war on the basis of the materials from regional archives.¹⁰ Let us note separately the joint work of Smolensk

⁶ I.I. Kostyushko, *From the History of Soviet-Polish relations. Polish Bureau of the Central Committee of the RCP(b), 1920–1921* [in Russian] (Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2005).

⁷ I.I. Kostyushko, comp., *Polish Prisoners of War in the RSFSR, BSSR and Ukrainian SSR (1919–1922). Documents and Materials* [in Russian] (Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2004).

⁸ A.V. Torkunov, and A.D. Rotfel'd, eds., *White Spots – Black Spots: Difficult Matters in Polish-Russian Relations, 1918–2008* [in Russian] (Moscow: Aspekt Press, 2010).

⁹ W. Rezmer, “Polish Prisoners of War in Soviet Captivity [in Russian], in *Prisoners of War 1920*, ed. P. Gryz, trans. I. Mel'nikov (Krakow; Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej; Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2020), 69–165.

¹⁰ R.V. Oplakanskaya, “The State of Polish Prisoners of War in Siberia in the Early 1920s” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 384 (2014): 116–19; P.A. Mistryugov, “Poles – Convicts and Prisoners of War in 1918–1921 (Based on the Archives of Samara Governorate)” [in Russian], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 17, iss. 4 (2017): 530–34; A.V. Chevardin, “Poles in the Urals in the Age of Wars and Revolutions (1914–1924)” [in Russian], *Chelovek v mire kul'tury*, no. 2–3 (21) (2017): 152–55; I.V. Belova, “Polish-Soviet War POWs in Forced Labor Camps in 1920–1921. Based on Materials from Central Provinces in Central Russia” [in Russian], *Voennno-istoricheskii zhurnal*, no. 12 (2021): 76–81; E.V. Kodin, and I.I. Rodionov, “Polish Prisoners of War in the Camps of Central Russia, 1919–1922” [in Russian], *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*, no. 4 (106) (2021): 21–34; P.V. Letunovskii, and A.F. Gavrilentov, “‘By Forced Labor, in Strict Labor Discipline They Atone for Their Guilt...’

historians E. Kodin and I. Rodionov. In addition to studying the camps of Central Russia, they carefully studied the process of repatriation of Polish prisoners of war in 1921–22.¹¹

In preparing this article, archival materials from the fonds of the State Archive of the Russian Federation were used, in particular, the fonds of the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR (f. R-393) and the Main Directorate of Places of Detention of the NKVD of the RSFSR (f. R-4042); the documents from the fonds of the Polish Bureau of Agitation and Propaganda under the Central Committee of the RCP(b) (f. 63) and the Polish Provisional Revolutionary Committee (Polrevkom) (f. 68) of the Russian State Archive of Socio-Political History. In addition, a number of documents of the Political Administration of the Workers and Peasants' Red Army (f. 9) from the fonds of the Russian State Military Archive.

Main body

The system of camps for prisoners of war began to take shape in Russia with the outbreak of the First World War, when the first groups of captured Austrian soldiers arrived in the country in the autumn of 1914. According to various estimates, during the war years, a total of about 2.5–3 million soldiers of enemy armies were captured by the Russians. In October 1914, Russia adopted the Regulations on Prisoners of War, which introduced even more humane principles for the treatment of prisoners of war in comparison with the Hague Convention.¹² For a long time, it was believed that the first concentration camps for prisoners of war in Russia were formed in the industrial regions of the empire (Donbas, Baku, Northern European Russia) in 1915, but modern archival data indicate that such camps already existed in 1914. According to the information obtained from the 1919 correspondence between the Cheka and the commandant of the Kozhukhovskii camp in Moscow, it became known that the camp, which was located next to the Simonovsky Monastery near the village of Kozhukhovo (now part of Moscow), was set up at the very beginning of the war. According to the same correspondence, 1.5 million prisoners of war passed

Situation of Polish Prisoners of War and Detainees in Smolensk Concentration Camp in 1919–1922” [in Russian], *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 5 (2023): 100–07.

¹¹ E.V. Kodin, and I.I. Rodionov, “Repatriation of Polish Prisoners of War from the Camps of Central Russia (1921–1922)” [in Russian], *Noveishaya istoriya Rossii*, vol. 11, no. 1 (2021): 72–88.

¹² R. Nakhtigal', “Prisoners of War in Russia during World War I” [in Russian], *Quaestio Rossica*, no. 1 (2014): 148.

through the Kozhukhovskii camp from 1914 to 1919.¹³ Such a large number of prisoners suggests the transit function of the camp.

In total, about 400 concentration camps were formed in the territory of the Russian Empire for the detention of prisoners of war during the years of the First World War. The camps were linked to military districts. Most of the camps were located in Central Russia, in the Moscow military district (128) and Kazan military district (113).¹⁴ Thus, by the time of the February Revolution, Russia had already acquired some practical experience in setting up such camps, the network of which spread throughout the European territory of the empire as well as Siberia, Central Asia, and the Far East. The labor of prisoners of war was used in various spheres of the national economy, from coal mining in the Donbas and the construction of the Murmansk Railway to the cleaning of urban areas.

The period of the two revolutions was characterized by mass flight and partial repatriation of prisoners of war from Russian camps, which was facilitated by the decay and then the liquidation of the Russian Imperial Army, which supervised and guarded the camps. At the same time, a significant part of the prisoners remained in Russia. In 1917, representatives of the Danish and Swedish Red Cross started work in the country, providing material and medical assistance to the prisoners of war. According to foreign historians, in the period between December 1917 and March 1918, about half a million prisoners of war were repatriated from Russia.¹⁵ Legally, the process of returning prisoners of war to their homeland was formalized after the signing of the Brest-Litovsk Peace Treaty on March 3, 1918, which provided for an early exchange of prisoners of war. Already in the spring and summer of 1918, hundreds of thousands of Austro-Hungarian and German soldiers returned home from the RSFSR. To organize the repatriation process, on April 23, 1918, the Central Collegium for War Prisoners and Refugees, abbreviated as Tsentroplenbezh,¹⁶ (since February 1920, the Central Administration for the Evacuation of Population, Tsentrevak for short) was established under the People's Commissariat for Military Affairs. The collegium was headed by I. Unshlikht, a close associate of F. Dzerzhinsky. All the concentration camps that existed in the country at that time fell under the jurisdiction of the Tsentroplenbezh.

¹³ “Svedeniya Kozhukhovskogo lagerya Prinuditel'nykh rabot o khode rabot po organizatsii lagerya. 20.III.1919 g.” [Information from the Kozhukhovsky Forced Labour Camp on the progress of work on organizing the camp. March 20, 1919]. F. 393, op. 89, d. 15 b, l. 24. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

¹⁴ S.N. Vasil'eva, *Prisoners of War of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War* [in Russian] (Moscow: Redaktorsko-izdatel'skii tsentr MGOPU, 1999), 87.

¹⁵ Nakhtigal', “Prisoners of War in Russia,” 151.

¹⁶ *Decrees of the Soviet Government* [in Russian], vol. 2, *March 17 – July 10, 1918* (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959), 165–67.

On August 7, 1918, the Sovnarkom signed a Decree “On the Russian Red Cross Society,” according to which the RSFSR recognized continuity with the imperial Red Cross organization. The newly formed Russian Red Cross was obliged to exercise control over the implementation of all existing international norms, including the Hague Convention, on the treatment of prisoners of war, which was extremely important in the context of numerous internal and international conflicts involving Soviet Russia.

On June 26, 1918, a cultural and educational department was established in the structure of the Tsentropenbezh and entrusted with the mission of agitation and propaganda among both Russian soldiers who returned to their homeland and foreign prisoners of war. At the beginning of 1918, even before the formation of the Tsentropenbezh, the government granted all prisoners of war Russian citizenship and gave them an opportunity to join the ranks of the Red Army,¹⁷ which made the concentration camps of the Civil War period a tools for replenishing the Red Army in 1918–22. In internal records, the word “prisoner of war” was replaced by “foreign proletarian.”¹⁸ On May 24, 1919, the Tsentropenbezh was transferred to the NKVD of the RSFSR, and a year and a half later, in December 1921, all governorate and uyezd centers for the evacuation of population were liquidated. At the end of 1922, the Central Administration for the Evacuation of Population was finally abolished.¹⁹ According to its data, as of January 1, 1921, 3,572,900 refugees and 1,409,600 prisoners of war officially left Russia, and the number of prisoners of war who returned to the RSFSR amounted to 3,171,100 people.²⁰ The final repatriation of the prisoners of World War I from Soviet Russia ended in 1922.

¹⁷ Nakhtigal', “Prisoners of War in Russia,” 152.

¹⁸ “Otchet o deyatel'nosti zagranichnykh agentur Tsentrevaka po okazaniyu pomoshchi voennoplennym. Mart 1920” [Report on the activities of Tsentrevak’s foreign agents in providing assistance to prisoners of war. March 1920]. F. 3333, op. 23, d. 1, l. 20. GARF.

¹⁹ I.P. Shcherov, *Tsentropenbezh in Russia: The History of Establishment and Activities in 1918–1922* [in Russian] (Smolensk: SGPU, 2000), 49.

²⁰ Shcherov, *Tsentropenbezh in Russia*, 50.

We are at war with the Polish lord's clan, not with the Polish working people!

Soviet poster of the times of the Polish-Soviet War. 1919–21

Source: *Voенно-istoricheskii zhurnal*, <http://history.milportal.ru/sovetsko-polskaya-vojna/>

The Tsentropenbezh camps began to be vacated during the first wave of mass repatriation of foreign prisoners of war in the winter and summer of 1918, and it was then that the institution of camps in Russia moved to a new stage of development. It should be noted that after the October Revolution of 1917, three parallel systems of places of detention existed in the territory of the RSFSR in the early years of Soviet power. The People's Commissariat of Justice (NKJu) operated prisons, houses of detention (*domzaki*), etc. for criminal offenders; the People's Commissariat for Military Affairs was in charge of concentration camps for prisoners of war; the Cheka began to form its own network of camps for active opponents of the Soviet rule in the summer of 1918. Initially, the Cheka camps were located in the vacant camps for prisoners of war of the Tsentropenbezh. Such institutions were officially legalized by the decree of the Sovnarkom of the RSFSR as of September 5, 1918, better known as the Decree on the Red Terror. Thus, the practice of confining foreign prisoners of war to camps began to be gradually replaced by a new format, which was the detention of prisoners of the Civil War, i.e. the domestic contingent.

However, despite that change, foreign prisoners of war still constituted a significant part of prisoners during the Civil War. Researcher of the Sevastopol camp I. Ostrovskaya believes that the idea of creating Soviet concentration camps for foreigners belonged to L. Trotsky and first occurred to him “at the end of May 1918,

when the disarmament of the Czechoslovak Legion was planned.”²¹ In reality, the order of the People’s Commissar for Military Affairs obliged the military commissars to “disarm the Czechoslovaks, and if they put up resistance, send them to prisoner-of-war camps”.²² That is, the order referred to the use of the already existing camps for the prisoners of World War I. Probably, those events were the first experience of the Soviet authorities to create their own camps during the Civil War. In any case, it should be assumed that such a form of detaining their opponents as concentration camp was already used by the Bolsheviks in the spring of 1918.

Initially, the concentration camps of the Cheka were arranged in the existing buildings: former tsarist barracks, gymnasiums, mansion houses, and ravaged Orthodox monasteries, which had high fences, towers, and many different rooms and were well-suited for those purposes. The next evolutionary turn in the development of the Soviet camp system began on April 3, 1919, when the NKVD of the RSFSR adopted a draft resolution of the Central Executive Committee “On Concentration Camps” at the suggestion of F. Dzerzhinsky. That resolution of the Central Executive Committee was revised and was issued in its final form on April 15 under the title “On Forced Labor Camps.” The material support and management of the camps was assigned to the NKVD of the RSFSR,²³ within which the Main Directorate of Forced Labor (GUPR) was established specifically for those purposes. Despite the direct instruction of the Central Executive Committee on detention in the camp on the basis of social class, the majority of camp population in 1918–20 still consisted of prisoners of the Civil War, including foreign citizens.

The camps of the Civil War period were a borderline between forced labor camps for class enemies and concentration camps for prisoners of war. Foreign prisoners of war began to enter the camps of the Cheka and NKVD of the RSFSR en masse at the end of 1918. To this day, historians of different countries have maintained different approaches to the study of the Lithuanian–Soviet War (1918–19) and the subsequent Polish Soviet War (1919–21). While the Polish side considered these armed conflicts as wars of two independent powers, the RSFSR and then the present-day Russian tradition usually consider them as part of the Civil War (the Entente’s third campaign in Soviet historiography). Based on these views, the captured Red Army soldiers in Poland were subordinated to the Polish Ministry of War, and the NKVD dealt with

²¹ I.V. Ostrovskaya, “Keep These Concentration Camps for the Masters” [in Russian], *Voennohistoricheskii zhurnal*, no. 8 (2011): 46.

²² *Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps. 1914–1920: Documents and Materials* [in Russian], vol. 2, *Czechoslovak Legions and the Russian Civil War. 1918–1920*, comp. A.R. Efimenko (Moscow: Kuchkovo pole, 2018), 153.

²³ “Postanovlenie VTsIK ‘O lageryakh prinuditel'nykh rabot.’ 15.04.1919 g.” [Resolution of the Central Executive Committee “On forced labor camps.” April 15, 1919]. F. R-393, op. 98, d. 6, ll. 15 ob.–16. GARF.

Polish prisoners of war in Soviet Russia. It should be reminded here that as newly formed States, neither the RSFSR nor Poland accepted the 1907 Convention on prisoners of war and therefore the prisoners of both sides were outside the framework of the international legislation. Moreover, the Red Army soldiers in Polish camps were treated incomparably worse than the Poles in the Soviet camps. Russian historian G. Matveev, who studied the data on the number of prisoners of war in detail, wrote that there were 157,000 captured Red Army soldiers in the territory of Poland during the war; of them, 75,699 were returned to their homeland and about 28,000 people died in captivity.²⁴

Help! Everything for the front! All to the front!

Polish poster of the times of the Polish–Soviet War. 1919–21

Source: History of Propaganda, <https://propagandahistory.ru/181/Sovetsko-polskaya-voyna--1919-21---Plakaty-Polshi/>

According to modern research, about 38–40 thousand Polish prisoners of war passed through Soviet captivity in 1919–21.²⁵ Among Polish prisoners of war, there

²⁴ G.F. Matveev, “On the Number of Red Army Soldiers in Captivity during the Polish-Soviet War of 1919–1920” [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 9 (2001): 120–26; O.V. Kornilova, “Red Army Soldiers in Polish Captivity (1919–1920): Main Directions of Modern Russian and Polish Historiography” [in Russian], *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (48) (2019): 355.

²⁵ The reports of the Polish Bureau gave figures of up to 50 thousand POWs in the territory of the Soviet republics. I. Kostyushko insists on 30 thousand. But if we take into account the fact that about 35 thousand prisoners were repatriated to their homeland in 1921, as well as the number of those who died in captivity and remained to live in the USSR, we should talk about 38–40

were White Guards who fought on the side of Poland against Bolshevism. Prisoners of war and defectors were initially taken to the division headquarters, where they were registered and interrogated, and from there they were sent to the army or front headquarters for subsequent allocation to a concentration camp. Those procedures were carried out by a commission under the Revolutionary Military Council of the Army (RVS), which included the commissioners of the GUPR and the Tsentropenbezh of the NKVD. In connection with the offensive of the Red Army and the unsuccessful attempt to Sovietize Poland, the Polish Bureau under the leadership of F. Dzerzhinsky was formed under the Central Committee of the RCP(b) on July 19, 1920. Political work regarding prisoners of war was entrusted to the Polish Section of the Political Directorate of the Revolutionary Military Council of the Republic (RVSR PUR), established on August 15, 1920.²⁶

In September 1920, the Council of Labor and Defense (STO) issued a decree, according to which the captured Poles were transferred to the Main Directorate of Public Works and Duties.²⁷ At that time, Polish prisoners of war began to be placed in the camps of the NKVD of the RSFSR. In the report of the Main Directorate of Public Works and Duties dated November 1, 1920, the camps for prisoners of war were included into a separate category.

In fact, the Council of Labor and Defense only legitimized the already existing practice of sending prisoners of war to the camps of the Cheka and the NKVD, which had been in place since 1918. But while from the winter of 1918 to the autumn of 1920 prisoners of war were kept on equal terms with other inmates as common criminals, separate camps for prisoners of war appeared inside the NKVD of the RSFSR at the end of 1920. In the eyes of the Soviet authorities, prisoners of the Lithuanian–Soviet War of 1918–19 were not prisoners of war but they were equal to the soldiers and officers of the White Army and were kept in camps on the basis of the resolution of the Council of Workers and Peasants' Defense as of July 19, 1919:

All foreign citizens from among the bourgeoisie of those states that are conducting hostile and military actions against us who reside in the territory of the RSFSR and are between 17 and 55 years of age should be imprisoned in a

thousand prisoners who were held in Soviet captivity in 1919–21. Also, in the joint Russian-Polish work *White Spots – Black Spots: Difficult Matters in Polish–Russian Relations, 1918–2008*, G. Matveev cites the figure of 34–42 thousand of Polish prisoners.

²⁶ In September 1920, the section was called the Polish Department of the PUR. On February 1, 1921, the Polish department of the PUR was transferred from the Revolutionary Military Council of the Republic to the NKVD of the RSFSR.

²⁷ From September 1920 to February 1921, the Main Directorate of Forced Labor (GUPR) was temporarily renamed the Main Directorate of Public Works and Duties.

concentration camp. . . All prisoners in concentration camps are held on the usual terms.²⁸

It should be noted here that according to Article 15 of the Moscow Peace Treaty, which was signed a year after the end of hostilities in 1920, all Baltic prisoners were to be released. That process was delayed by the Soviet side until the signing of the Riga Peace Treaty of 1921. At the beginning of September 1920, all captive “natives of the White Guard Lithuania” were taken from the camps of Central Russia, where they were held in 1918–19, to the camps of the Urals.²⁹ In violation of the peace treaty, the Soviet authorities decided to leave the Baltic prisoners as hostages:

Almost all of these criminal elements can be used at the moment as hostages to be exchanged from the Lithuanian government for our party comrades who are placed in White Guard prisons.³⁰

In addition to the military men captured in the western territories of the RSFSR, Polish military men from the Polish 5th Rifle Division were taken captive by the Soviets. The division was formed in May 1919 as part of Kolchak’s army from the Polish prisoners of the First World War who fought on the side of Germany and Austria-Hungary. Most of the 5th Division surrendered to the Red Army on January 10, 1920 at the Klyukvennaya station (now Uyar) 100 km from Krasnoyarsk. That is why it was decided to locate a camp for Polish prisoners of war near Krasnoyarsk.³¹

Krasnoyarsk concentration camp no. 1 was opened on May 25, 1920. It was located 5 km from Krasnoyarsk and was called Military Town. In terms of the number of people staying there at the same time, it was the largest camp during the Civil War, accommodating 8,000 prisoners of war as of October 15, 1920. At the

²⁸ “Postanovlenie Soveta raboche-krest'yanskoi oborony ‘Ob inostrannykh poddannyykh.’ 19.07.1919 g.” [Resolution of the Council of Workers and Peasants’ Defense ‘On Foreign Nationals.’ July 19, 1919]. F. 393, op. 89, d. 8, l. 1. GARF.

²⁹ “Zayavlenie nachal'nika otdela prinudrabort v GUPR ob otpravke pribaltiiskikh plennykh v Ekaterinburg. 20.12.1920 g.” [Statement by the head of the forced labor department at the Main Directorate of Forced on sending Baltic prisoners to Yekaterinburg. December 20, 1920]. F. 393, op. 89, d. 153, l. 17. GARF.

³⁰ “Telegramma zaveduyushchemu otdela prinudrabort o razgruzke kontslagerei ot pribaltov. 3.04.1920 g.” [Telegram to the head of the department of forced labor about freeing the concentration camps from the Balts. April 3, 1920]. F. 393, op. 89, d. 153, l. 6. GARF.

³¹ “Svodka № 2 Pol'otdela PURa ot 15 oktyabrya 1920 g.: o lageryakh voennoplennykh polyakov. 16.10.1920 g.” [Summary no. 2 of the Polish Department of the PUR of October 15, 1920: on the camps of Polish prisoners of war. October 16, 1920]. F. 9, op. 12, d. 12, l. 15. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive] (RGVA), Moscow, Russia.

beginning of 1921, the captured Poles were sent to other camps of Yenisei Governorate in Achinsk, Kansk, etc., and some of its prisoners were sent to European Russia. In the summer of 1921, the total of 5,621 Polish prisoners of war stayed in Yenisei Governorate.³² It is worth noting that it was supposed to send soldiers and officers of the Czechoslovak Legion, which moved east for further evacuation after the uprising in the spring of 1918, to the same camps. Acting Chief of Staff of the Second Czechoslovak Division, Lieutenant Colonel B. Ushakov recalled:

All those violations of the treaties forced the Czechoslovaks to neutralize the local Soviet government and ensure their unhindered movement to Vladivostok. . . Later, having taken power into our own hands, we unexpectedly found documentary evidence that Andreev, deputy chairman of the Kansk United Council, detained our special train in order to allow the arrival from Krasnoyarsk of the Soviet train that was supposed to disarm us and put us in a prisoner-of-war camp.³³

Yet, most of the Polish contingent was stationed in Central Russia and Ukraine. As of October 15, 1920, the largest concentration centers of Polish prisoners of war were Yaroslavl (3,355 people), the camp in Ryazan Governorate at the Pobedinskaya coal mine (1,701 people), the capital of the Ukrainian SSR Kharkov and neighboring Chuguev (6,800 people).³⁴ The report of the Polish Department of PUR dated October 15, 1920 mentioned a total of 29,362 Polish prisoners of war in 40 camps.³⁵ At the same time, according to the reports of the Polish Bureau of Agitation and Propaganda, 32,000 Polish prisoners of war were held in 37 camps of the RSFSR at the beginning of 1921.³⁶ Camps for prisoners of war were organized not only in Central Russia, Karelia, the Urals, and Siberia but also in the territories that had just been occupied by the Red Army. For instance, after the offensive of the Red Army in

³² “Doklad v Glavnoe upravlenie obshchestvennykh rabot i povinnostei po delam voennoplennykh polyakov. 3.07.1921 g.” [Report to the Main Administration of Public Works and Duties on the affairs of Polish prisoners of war. July 3, 1921]. F. 393, op. 89. d. 81. l. 9 ob. GARF.

³³ *Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps*, vol. 2, 154.

³⁴ “Svodka № 2 Pol'otdela PURa ot 15 oktyabrya 1920 g.: o lageryakh voennoplennykh polyakov. 16.10.1920 g.” [Summary no. 2 of the Polish Department of the PUR as of October 15, 1920: on the camps of Polish prisoners of war. October 16, 1920]. F. 9, op. 12. d. 12. l. 15–15 ob. RGVA.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ “Iz otcheta Pol'byuro TsK RKP za vremya s 1 maya 1920 g. po 15 noyabrya 1921 g.: o rabote sredi voennoplennykh” [From the report of the Polish Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party for the period between May 1, 1920 and November 15, 1921: on the work among prisoners of war]. F. 63, op. 1, d. 25, l. 37. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), Moscow, Russia.

the spring–summer of 1920, during which the territories of Western Ukraine were occupied, two concentration camps were formed for the detention of prisoners of war in the cities of Rivne and Volodymyr-Volynsky. A number of camps were also opened in the territory of the Ukrainian SSR to detain the Poles.

Soviet propaganda tried to implant in the minds of the captive Poles the idea that the war was not waged against the Polish people, but it was waged against the Polish gentry led by Józef Piłsudski. In this regard, on May 10, 1920, L. Trotsky issued an order for the troops of the Western and Southwestern fronts “On the Generous Attitude towards Prisoners,” which directly indicated the need for political agitation among them:

. . . we will explain the criminality of their ruling classes, we will enlighten their consciousness and make them our best friends and supporters. . .³⁷

Peasant! The Polish landowner wants to make you a slave. This should not happen!

RSFSR poster of the times of the Polish-Soviet War. 1919–21

Source: mihalchuk_1974, “Echo of the Soviet-Polish War. Part 2. Soviet Posters of 1919–1921,” LiveJournal, <https://mihalchuk-1974.livejournal.com/170711.html>

Since the war was considered by the Soviet leadership as part of the class struggle, Polish soldiers and officers were separated in concentration camps, the latter being considered a counter-revolutionary element. In addition, the authorities intended not to place Poles together with the other categories of the camp population, which is

³⁷ Kostyushko, *Polish Prisoners of War*, 20.

why many forced labor camps were reorganized specifically for the reception of prisoners of war. With the exception of the camps mentioned above, 200–300 prisoners of war were usually placed at one camp for a more effective system of accounting them and organizing their work and life.

The special Department of the Cheka and the NKVD recognized that due to uncoordinated actions on the ground, all prisoners of war could not be accounted for. For example, Z. Zangvil', head of the GUPR of the NKVD, noted that only 5,000 prisoners of war had been registered by the Main Directorate of Forced Labor out of all captive Poles by July 23, 1920.³⁸ The Poles were to be put under special supervision; they were supposed to be provided with more acceptable living conditions and better nutrition on a par with the nutrition of the Red Army soldiers in the rear. Despite that, Poles' food was very meager and the products were of very poor quality. According to the prisoners,

the situation with nutrition in the prisoner-of-war camps was very bad; however, that did not stem from some hostile trend but from the general poor economic condition of Soviet Russia.³⁹

The mortality rate among Polish prisoners of war was lower than in other groups of prisoners and constituted about 6% (about 2,000 people).⁴⁰ On September 24, 1920, with the assistance of the People's Commissariat for Foreign Affairs, care for the captive Poles was entrusted personally to E. Peshkova, one of the leaders of the Political Red Cross.

The Polish Bureau determined that according to their social status, Polish prisoners of war were predominantly peasants, and “there was a very significant percentage of semi-laborers, farmhands, and workers” among them.⁴¹ Political instructors of the Polish Department of the PUR from among communist Poles were assigned to each camp. The instructors established communist cells, schools, and clubs in the camps, organized rallies, etc. The introduction of compatriot communists into the prisoner-of-war environment was considered by the Politburo as a continuation of the Comintern policy aimed at spreading revolutionary international socialism. Active members of the Polish Bureau formed the Provisional Revolutionary Committee of Poland (Polrevkom) headed by J. Marchlewski in the territory of Bolshevik-

³⁸ Kostyushko, *Polish Prisoners of War*, 36.

³⁹ Kostyushko, *Polish Prisoners of War*, 9.

⁴⁰ Torkunov, and Rotfel'd, *White Spots – Black Spots*, 43.

⁴¹ “Instruktsiya TsK RKP ob otnoshenii k voennoplennym pol'skoi armii ot 9 fevralya 1921 g.” [Instruction of the Central Committee of the Russian Communist Party on the attitude to prisoners of war of the Polish army as of February 9, 1921]. F. 63, op. 1, d. 197, l. 2. RGASPI.

controlled Poland on July 30, 1920. The purpose of the committee was to create a base for the future Polish Soviet Republic.

Most illustrious Poland, the last dog of the Entente

RSFSR poster of the times of the Polish–Soviet War. 1919–21

Source: mihalchuk_1974, “Echo of the Soviet-Polish War. Part 2. Soviet Posters, 1919–1921,” LiveJournal, <https://mihalchuk-1974.livejournal.com/170711.html>

The Polrevkom existed for less than a month and was abolished due to the retreat of the Red Army from Poland. However, during the time of its existence, the committee managed to deploy large-scale repression in the territory of Poland, absolutely identical to the Red Terror in Russia. On August 4, 1920, the Polrevkom decided that

all those threatening to the socialist revolution in Poland, all representatives of the Polish big bourgeoisie and landowners, all known for their sympathy for the White Poles should be arrested and sent to concentration camps.⁴²

The Soviet leadership had two points of view on the possible development of relations with Poland: to draw the eastern border along the Curzon line established by the Entente on December 8, 1919 or to continue military operations until the

⁴² “Postanovlenie Pol'revkoma ob areste neblagonadezhnogo naseleniya. 4.08.1920 g.” [Resolution of the Polrevkom on the arrest of unreliable population. August 4, 1920]. F. 68, op. 1. d. 12. l. 9. RGASPI.

Sovietization of the country was completed.⁴³ It was believed that if the second option was chosen, it was the Polish prisoners of war who would “play the role of a Bolshevik bacillus”⁴⁴ in their homeland. And in order to achieve that, it was necessary to organize political work in the camps properly.

Lenin realized the importance of agitation work among the prisoners of war even before the October Revolution. In his letter to Inessa Armand from Zurich dated January 30, 1917, he wrote about the extraordinary role of propaganda in the camps, citing the example of prisoners of the First World War:

We were recently visited by two escaped prisoners of war. . . It was extremely interesting to watch him and listen. He spent a year in a German prison camp (a mass of horrors) with 27,000 Ukrainians. The Germans build up camps according to nations, and do their utmost to break them away from Russia; for the Ukrainians they sent in skillful lecturers from Galicia. The results? Only 2,000, according to him, were for “self-rule” (independence in the sense more of autonomy than of separation) after months of effort by the agitators!! A notable fact! One cannot but believe him. 27,000 is a big number. A year is ample time. The conditions for the Galician propaganda were exceptionally favorable. . . As regards the tsar and God, all the 27,000, he says, have finished with them completely, as regards the big landowners too. They will return to Russia embittered and enlightened.⁴⁵

On October 11, 1920, as part of the implementation of the propaganda policy, the Polish Bureau decided to release some of the captive Poles who were members of the Bund and the Jewish Socialist Workers Party. By February 1921, 29 schools for the illiterate, 9 clubs, 37 libraries, 15 reading clubs, and 12 theatres had been opened in the territory of the RSFSR in NKVD camps for Polish prisoners of war; 42 party circles and 9 party schools were established.⁴⁶ The cultural, educational, and propaganda activities of the Polish Bureau significantly intensified on the eve of the signing of the peace agreement and the upcoming exchange of prisoners. As it was noted in the reports of the Polish Bureau in the spring of 1921,

⁴³ Kostyushko, *From the History of Soviet-Polish Relations*, 4.

⁴⁴ “Instruktsiya TsK RKP ob otnoshenii k voennoplennym pol'skoi armii. 9 fevralya 1921 g.” [Instruction of the Central Committee of the Russian Communist Party on the attitude to prisoners of war of the Polish army. February 9, 1921]. F. 63, op. 1, d. 197, l. 3. RGASPI.

⁴⁵ V.I. Lenin, *Complete Works* [in Russian], vol. 49, *Letters August 1914 – October 1917*, ed. I.A. Gladkov, and M.Ya. Pankratova (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1964), 377.

⁴⁶ Kostyushko, *From the History of Soviet-Polish Relations*, 57.

the task of communist work among prisoners is not to create party communists from prisoners at any cost, but to prepare their minds for revolutionary assessment of relations.⁴⁷

As was the case with other categories of prisoners, foreign prisoners of war usually passed through the Moscow camps, which were a kind of transit point, before being sent to the regions. The first Lithuanian and Polish prisoners of war began to appear in Moscow in 1919, but their mass arrival in the capital occurred in the spring and summer of 1920, which was associated with the offensive operations on the Western Front of the Red Army. After the transfer of all prisoners of war to the subordination of the GUPR of the NKVD on September 15, 1920, two Moscow camps (the Vladykinskii camp and the Rozhdestvenskii camp) were freed from all other prisoners in order to accommodate captured Poles only. In addition, subcamps were organized for prisoners of war near Moscow at the stations of Kryukovo, Pererva, Faustovo, and Tomilino.

All other prisoners of war were placed in Moscow camps together with other categories of prisoners. Like the rest of the prisoners, the Polish prisoners of war were placed under two-week quarantine in the Novo-Peskovskii camp upon arrival in Moscow, after which they were sent to the camps of permanent containment. Due to the transit nature of the Novo-Peskovskii camp, the living conditions there were the worst. There was a regular shortage of linen, no places on the bunks, and prisoners of war had to sleep side by side on the floor. Moreover, the Poles shared space with thieves, recidivists, and other criminals who simply took away provisions and personal belongings from the Poles. Due to the lack of a permanent escort that was supposed to accompany groups of prisoners of war to other camps, some Poles spent several months in the Novo-Peskovskii camp. To vacate the premises of that transit camp, some Poles were sent to the guardhouse of the Moscow Department of Forced Labor (13, Vorontsovskaya str.) where the conditions of detention were even worse than in the transit camp.

In the winter of 1921, 2,403 Polish prisoners of war were held in Moscow camps.⁴⁸ Unlike other prisoners, it was decided to organize the entire Polish contingent similarly to a military unit by dividing it into labor units. In total, 4 labor units of 418 people each were formed, which were located in the Rozhdestvenskii camp and Vladykinskii camp, and at the Pererva station.⁴⁹ The units, in their turn, were divided into companies, platoons, and squads. With such an organization, the

⁴⁷ Cited in Kostyushko, *From the History of Soviet-Polish Relations*, 57.

⁴⁸ “Doklad komandira brigady trudovykh družin voennoplennykh polyakov. 24.02.1921 g.” [Report of the commander of the brigade of labor units of Polish prisoners of war. February 24, 1921]. F. 393, op. 89, d. 156, l. 38. GARF.

⁴⁹ Ibid.

Soviet government wanted to equate prisoners of war with the Labor Army members of the Red Army both in terms of working conditions and in terms of payment. However, the officers of the units who were promoted to leadership positions in the newly-established structure of Polish prisoners of war were resistant to Sovietization and did not engage in political agitation in the camps. The leadership of the Polish Department reported:

Completely incomprehensible is the appointment of the “commanding officers,” whose overwhelming majority is much lower, in terms of both political consciousness and moral development. To a strong extent, nationalist feelings are revealed in them as well as a complete lack of political consciousness. By their behavior they set no example that should be followed.⁵⁰

If compared to their compatriots in other regions, Poles were incomparably better maintained in the central governorates of the RSFSR.⁵¹ As a rule, there was electricity, water supply, bath houses, and canteens in the camps. Workshops were equipped there, outside work was organized, and work in Soviet institutions was also allowed.⁵² Knowing the situation with the supply of camps, F. Dzerzhinsky gave the following instructions to the Special Department of the Cheka on July 26, 1920:

Pay attention to the upkeep of the captive Poles. Take measures to prevent illegal actions that embitter them, prevent petty theft, etc.⁵³

In pursuance of this instruction, the inspections of the Polish Bureau regularly visited the camps, where they devoted considerable time to resolving minor conflicts (fights, thefts, etc.).

But most of the orders of the high leadership related to improving the supply and maintenance of camps were impossible to fulfill under the conditions of war communism for objective reasons. The most difficult situation was in the camps of the town of Chuguev near Kharkov:

307 people died in the Chuguev military hospital from September 1, 1920 to March 25, 1921. The unbearably difficult conditions in the 2nd Working

⁵⁰ “Vypiska iz doklada Pol’otdela PURa v Pol’byuro TsK RKP ot 11.12.1920 g.” [Extract from the report of the Polish Department of PUR to the Polish Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party as of December 11, 1920]. F. 63, op. 1, d. 204, l. 12. RGASPI.

⁵¹ Kodin, and Rodionov, “Polish Prisoners of War in the camps of Central Russia,” 28–29.

⁵² Belova, “Polish-Soviet War POWs in Forced Labor Camps,” 77.

⁵³ Cited in Kostyushko, *From the History of Soviet-Polish Relations*, 52.

Regiment led to desertion. From January 1 to March 15, 54 people deserted from the 3rd company and 4th company.⁵⁴

Epidemics often broke out among prisoners of war like they did among the rest of the camp population. For example, in the territory of the Kolomna Machine-Building Plant, where the camp for Poles was located, of 182 prisoners brought there on September 25, 1920, 168 people were ill with typhoid fever, and 20 of them died.⁵⁵ Because of the desperate situation, prisoners of war often decided to escape, and prisoners often made escape attempts when working outside the camp and the escapes were often massive. The Zvenigorod camp became the record holder for the number of prisoner escapes, as 109 Poles had escaped from there by the summer of 1920, after which the remaining prisoners were relocated to other camps.

Nevertheless, according to the documents of the Polish Bureau, the Soviet government tried to prove itself as positively as possible in the eyes of prisoners of war. The 1921 instructions for the governorate party committees contained recommendations for improving the life of Poles and assisting them in their requests and wishes. Inspections of camps repeatedly noted that labor productivity of prisoners of war assembled into units was much higher than that of other categories of prisoners. Prisoners of war received Polish newspapers and participated in amateur drama clubs. In the summer of 1920, the Polish Bureau suggested issuing a centralized newspaper about the life of Poles in Soviet camps for Moscow prisoners of war. The newspaper was supposed to compare life in Soviet Russia and in Poland, getting interested the peasant part of the prisoners. The Polish Bureau noted that in the conditions of devastation and famine, oral agitation had little effect on the Poles who unconsciously and senselessly agreed with the agitators but in reality remained completely indifferent to the Soviet government. Lectures and rallies were to be replaced with the printed word that would not just spread dry propaganda but would give the prisoners an opportunity to speak about the shortcomings of the camp regime in the newspaper. Due to the lack of funds for an independent publication, the Polish Bureau decided to let the prisoners speak through the Polish newspaper *Młot*, which was regularly delivered to the Moscow camps.

⁵⁴ “Doklad nachal'nika UKRPURa tov. Skarbeka o deyatel'nosti UKRPURa po pol'skim delam. 1.04.1921 g.” [Report of the head of UKRPUR Comrade Skarbek on the activities of UKRPUR in Polish affairs. April 1, 1921]. F. 63, op. 1. d. 267, l. 27. RGASPI.

⁵⁵ “Otchet Pol'skomu Byuro pri Moskovskom Komitete RKP ob osmotre lagerei dlya voennoplennykh polyakov, nakhodyashchikhsya v predelakh Moskovskoi gubernii. 4.02.1921 g.” [Report to the Polish Bureau under the Moscow Committee of the Russian Communist Party on the inspection of the camps for Polish prisoners of war located within Moscow Governorate. February 4, 1921]. F. 393, op. 89, d. 151, l. 90. GARF.

The Poles who were members of the Polish Socialist Party and sympathized with the Soviet government took an active part in the political work in the camps. Well-disciplined prisoners of war enjoyed the confidence of the camp authorities. In their free time, Poles were allowed to leave the camp territory for walks around the city and villages, for shopping, etc. In the middle of the 19th century, a large Roman Catholic church of St Peter and St Paul was built in Milyutinskii pereulok in Moscow. It was the oldest Moscow Catholic parish. Polish Communists organized Polish Workers' Club with a theatre and a library in the building of the church. After the revolution, in 1920–21, the work on the reconstruction of the building and organization of the club were done by the Moscow Polish labor units. The Workers' Club also repeatedly staged performances and held rallies for prisoners of war. Rallies for Poles were special events at which the Soviet authorities tried to soften the regime as much as possible and show their sympathy for the prisoners. On the days of rallies, prisoners of war left the camp unescorted and walked in orderly rows under red banners, singing revolutionary songs.⁵⁶ As a rule, prisoners of the Rozhdestvenskii camp, which was located three blocks from the Workers' Club, were sent to such events.

After a significant increase in the number of Polish prisoners of war in Moscow camps in 1920, it was decided to withdraw the entire counter-revolutionary element to the province in order to avoid mixing different groups of prisoners. For that, it was supposed to open several camps at once: in the Kazan monastery of the village of Golovino (currently the territory of Moscow, Golovinskii district), the Zosimovskii monastery of Vereiskii Uyezd, the Khot'kovskii monastery of Sergievskii Uyezd, and the Vlakhernovskii monastery of Dmitrovskii Uyezd. As a result of numerous examinations of those places, it was revealed that none of them was suitable to accommodate a camp. The only place where prisoners could be held was the Gethsemane–Chernigov Skete of the Trinity Lavra of St Sergius in Sergiev Posad. In December 1920, 146 prisoners convicted of counter-revolutionary crimes were transferred there from Moscow, and the rest of the counter-revolutionaries were taken to the northern camps of Arkhangelsk Governorate. Thus, the peculiarities of the detention of Polish prisoners of war had an indirect impact on the development of the country's camp system, in particular, on manning all other GUPR camps.

After the signing of the Riga Peace Treaty on March 18, 1921, which established territorial borders, an active process of repatriation of Polish prisoners of war from

⁵⁶ “Iz otcheta Pol'skogo byuro propagandy i agitatsii pri Moskovskom komitete RKP ot 16.06.1920 g.” [From the report of the Polish Bureau of Propaganda and Agitation under the Moscow Committee of the Russian Communist Party as of June 16, 1920]. F. 63, op. 1, d. 406, l. 61. RGASPI.

Soviet camps to their homeland began. By the summer of 1921, almost all prisoners of war (34,839 people) had been repatriated.⁵⁷ Part of the Poles (about 3,000 people) who sympathized with Bolshevism wished to join the ranks of the Red Army or simply stay in Soviet Russia under Polish citizenship. In particular, the report on the activities of the Polish Bureau at the Bryansk Regional Party Committee dated April 17, 1921 stated the following:

On March 30, all prisoners were sent, except for 23 Communist comrades who stayed in Bryansk, not wanting to return to white Poland, as well as 10 patients who still remain in hospital. We are conducting explanatory work among them.⁵⁸

It should be said that most of the Poles who stayed in the RSFSR were not convinced communists but made this decision solely for personal reasons, most often because they had relatives in Soviet Russia. For example, in a letter to the commandant, a prisoner of the Sormovskii camp⁵⁹ described his situation as follows:

I ask for your petition to exclude me from the list of prisoners of war to be sent to Poland, since I do not find it necessary to go there. Due to the fact that I have no family at all (they died), and almost all of my relatives live within the borders of Soviet Russia.⁶⁰

Upon release from the camps, those prisoners of war who were granted permission to stay in Soviet Russia received employment books from the Labor Department and acquired all rights on an equal basis with the citizens of the RSFSR. But still, the overwhelming majority of Poles were waiting for a prompt departure to their homeland, and in the summer of 1921, instances of group hunger strikes were recorded in the camps due to delays in sending prisoners of war to Poland. Many of the collective statements, demands, and letters of Polish prisoners of war with requests to speed up their departure give a broader idea of the capacity of the GUPR camps. For example, prisoners of the Andronikovskii camp in Moscow wrote:

⁵⁷ Kostyushko, *Polish Prisoners of War*, 12.

⁵⁸ “Report on the activities of the Polish Bureau under the Bryansk Governorate Party Committee as of April 17, 1921”, in Kostyushko, *Polish Prisoners of War*, 309.

⁵⁹ The settlement of Sormovo is now part of the territory of the city of Nizhny Novgorod.

⁶⁰ “Zayavlenie pol'skogo voennoplennogo Sergezh Danilovicha Valliiskogo. Aprel' 1921 g.” [The statement of Polish prisoner of war Sergei Danilovich Valliiskii. April 1921]. F. 393, op. 89, d. 215, l. 54. GARF.

As civilian prisoners, we were taken to the Smolensk camp, from there to Yekaterinburg, N. Tagil and finally back to Moscow. . . We ask you to send us to Poland with the first train.⁶¹

Among other things, such delays in the return of Polish prisoners of war to their homeland were connected with constant arguments of Russia and Poland on the number of repatriates and with the failure of both sides to fulfill a number of agreements. In particular, Poland refused to expel the White Guards from the country. Each side assumed to exchange a smaller number of prisoners for a larger number of compatriots. The main junction station where the captive Poles were sent was Minsk. A special commission of the Tsentrevak assigned them to barracks and checkpoints. As a result of lengthy negotiations with the Polish side, the leadership of the RSFSR decided to exchange prisoners of war according to the all-for-all principle.⁶² As a regulatory framework for repatriation process, the Revolutionary Military Council of the Republic issued the order dated February 26, 1921 containing “Rules of the Procedure for Servicing the Exchange of Prisoners and Refugees with Poland.”⁶³ According to the rules, the GUPR was to escort special trains with prisoners to the exchange stations. According to those directives, on March 3, 1921, the GUPR ordered heads of the camp to begin forming groups of prisoners of war in governorate centers for departure. The sick and disabled were the first to be sent.

Simultaneously with the repatriation of prisoners of war in the spring of 1921, the process of closing and disbanding a number of camps that contained only Polish and Lithuanian contingent began in Russia and Ukraine. In the first half of 1921, camps were closed in Orel, Roslavl, Kharkov, Chuguev, Murmansk, Western Ukraine, and Karelia. A total of 39 camps were closed in 1921. In most regions of Russia and Ukraine, the repatriation of prisoners of war had ended by the autumn of 1921. Later on, repatriation was much smaller in scale and concerned certain individuals. The process of returning Polish and Lithuanian prisoners of war home was finally completed a year later, in the autumn of 1922.

⁶¹ “Zayavlenie pol'skikh grazhdan v smeshannuyu Komissiyu dlya repatriatsii. 10.07.1921 g.” [The statement of Polish citizens to the Joint Commission for repatriation. July 10, 1921]. F. 393, op. 89, d. 206, l. 24–24ob. GARF.

⁶² Kodin, and Rodionov, “Repatriation of Polish Prisoners of War,” 76.

⁶³ “Prikaz Revolyutsionnogo Voennogo Soveta Respubliki, NKVD i Narodnogo komisariata zdravookhraneniya № 474-69/590 (po Tsentrevaku). 26.02.1921 g.” [Order of the Revolutionary Military Council of the Republic, the NKVD and the People’s Commissariat of Health no. 474-69/590 (to Tsentrevak). February 26, 1921]. F. 4042, op. 1a, d. 12, ll. 77 ob.–80. GARF.

Conclusion

The detention of prisoners of war of the Lithuanian and Polish armies in concentration camps and forced labor camps was a direct continuation of the policy of concentration of prisoners of World War I. The institute of concentration camps that had been formed in the Russian Empire became an organic part of the early Soviet system, which lent it new ideas and meanings. The active foreign policy in the territory of the western outskirts of the former empire coincided with the period of the Civil War. In the eyes of the Bolshevik leadership, all those military actions had a pronounced class character, which made it possible to equate Lithuanian and Polish prisoners of war with prisoners of the Civil War. Proceeding from those considerations, the Soviet government did not see any sense in splitting up the camp administration for the maintenance of all categories of prisoners between the People's Commissariat for Military Affairs and the People's Commissariat of Internal Affairs. The Central Commission for Prisoners and Refugees, initially established in 1918 as part of the military department, to which the camps for prisoners of war were subordinate, was transferred to the NKVD of the RSFSR in the spring of 1919.

The camps of the VChEKA-NKVD of the RSFSR, which existed from 1918 to 1922, were generally characterized by a mixed type of detention, combining the penitentiary function in relation to convicts and the concentration function in relation to prisoners of war and refugees of World War I and subsequent external conflicts involving the RSFSR. The Polish-Soviet War gave an unprecedented impetus to the development of the camp system in Soviet Russia, Belarus, and Ukraine. Realizing the undesirability of prisoners of war staying in the same space with common criminals and counter-revolutionaries, the NKVD sought to organize separate camps or subcamp for the foreign contingent, which was fully implemented in Moscow. However, due to the large inflow of prisoners (about 40,000 people) and numerous problems in the country's economy during the first years of Soviet power, it was not possible to ensure isolated detention, and prisoners of war were often held in camps together with convicts.

The number of captive Poles and Lithuanians differed significantly by region and depended on a number of circumstances. The largest camp for Polish prisoners of war was located in Krasnoyarsk and contained up to 8 thousand prisoners. The arrangement of such a large camp by the standards of that time was due to the place of capture of the Polish division. Large camps for prisoners of war were located in Kharkov and Chuguev in the territory of the Ukrainian SSR. In addition, camps were formed in the territories occupied during the offensive operations of the Red Army, in particular in Volhynia. In general, prisoners of war were held in about 40 camps of the GUPR of the NKVD.

In 1920 prisoners of war were subordinated to the Main Directorate of Forced Labor and physical labor became a prerequisite for their existence in the camp. The Soviet government wanted to equate prisoners of war with the Red Army labor soldiers both in terms of their working conditions and in terms of supplies, food, and wages. For the most part, all those conditions were not met, mainly due to the low material security of the camps associated with the difficult economic situation in the country. Nevertheless, numerous returns and statements of heads of the camps indicate that the productivity of labor squads of prisoners of war was much higher than that of other categories of prisoners.

Despite desperate attempts to Sovietize prisoners of war inside the camps, foreign prisoners preferred to remain apolitical and did not succumb to agitation. For the most part, as well as the prisoners of the Civil War, captive Lithuanians and Poles came from peasant strata and did not have a political position. Out of 35,000 prisoners of war repatriated in 1921, only about 3,000 people wished to stay in Soviet Russia or join the ranks of the Red Army. Simultaneously with the repatriation process, which was launched after the signing of the Riga Peace Treaty on March 18, 1921, the prisoner-of-war camps were closed and reformed. A total of 39 camps were closed in 1921. The camp system of the NKVD of the RSFSR ceased to exist for good at the end of 1922.

Список литературы

Белова И.В. Военнопленные советско-польской войны в лагерях принудительных работ в 1920–1921 гг. По материалам центральных губерний Европейской России // Военно-исторический журнал. 2021. № 12. С. 76–81.

Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под редакцией А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. Москва: Аспект Пресс, 2010. 823 с.

Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны. Москва: Редакторско-издательский центр МГОПУ, 1999. 133 с.

Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4 (106). С. 21–34.

Кодин Е.В., Родионов И.И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 72–88.

Корнилова О.В. Красноармейцы в польском плену (1919–1922): основные направления современной российской и польской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 355–373.

Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б) 1920–1921 гг. Москва: Институт славяноведения РАН, 2005. 143 с.

Летуновский П.В., Гавриленков А.Ф. «Принудительным трудом, в строгой трудовой дисциплине искупают свою вину...» Положение польских военнопленных и заключенных в

Смоленском концлагере в 1919–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2023. № 5. С. 100–107.

Матвеев Г.Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 годов // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 120–126.

Мистрюгов П.А. Поляки – заключенные и военнопленные в 1918–1921 годах (по материалам Самарской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 530–534.

Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. Москва: Институт славяноведения и балканистики, 1994. 322 с.

Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 142–156.

Оплаканская Р.В. Положение польских военнопленных в Сибири в начале 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 116–119.

Островская И.В. Оставить эти концентрационные лагеря для господ // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 46–49.

Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы). Документы и материалы / составитель И.И. Костюшко. Москва: Институт славяноведения РАН, 2004. 404 с.

Райский Н.С. Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. Москва: Институт российской истории РАН, 1999. 94 с.

Резмер В. Польские военнопленные в советском плену // Военнопленные 1920 / под редакцией П. Грыца; перевод с польского И. Мельникова. Краков; Варшава: Instytut Pamięci Narodowej; Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2020. С. 69–165.

Чевардин А.В. Поляки на Урале в эпоху войн и революций (1914–1924 гг.) // Человек в мире культуры. 2017. № 2–3 (21). С. 152–155.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. / составитель А.Р. Ефименко. Москва: Кучково поле, 2018. 1024 с.

Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000. 95 с.

Davies N. White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War 1919–1920 and The Miracle on the Vistula. New York: St Martin's Press, 1972. 318 p.

Karpus Z., Alexandrowicz S. Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922): Dokumenty i materiały. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995. 288 s.

Kenez P. Civil War in South Russia, 1919–1920: The Defeat of the Whites. Berkeley, CA: University of California Press, 1977. 378 p.

Werth N., Moullec G. Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels. Paris: Gallimard, 1994. 699 p.

Zorin L. Soviet prisons and concentration camps: An annotated bibliography, 1917–1980. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1980. 118 p.

References

- Belova, I.V. “Voennoplennye sovetsko-pol'skoi voiny v lageryakh prinuditel'nykh rabot v 1920–1921 gg. Po materialam tsentral'nykh gubernii Evropeiskoi Rossii” [Polish-Soviet War POWs in forced labor camps in 1920–1921. Based on materials from central provinces in Central Russia]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 12 (2021): 76–81. (In Russian)
- Cheshsko-Slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. 1914–1920: Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps. 1914–1920: Documents and materials]. 2 vols. Vol. 2, *Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1918–1920 gg.* [Czechoslovak legions and the Russian Civil War. 1918–1920], compiled by A.R. Efimenko. Moscow: Kuchkovo pole, 2018. (In Russian)
- Chevardin, A.V. “Polyaki na Urale v epokhu voyn i revolyutsii (1914–1924 gg.)” [Poles in the Urals in the age of wars and revolutions (1914–1924)]. *Chelovek v mire kul'tury*, no. 2–3 (21) (2017): 152–55. (In Russian)
- Davies, N. *White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War 1919–1920 and The Miracle on the Vistula*. New York: St Martin's Press, 1972.
- Karpus, Z., and S. Alexandrowicz. *Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922): Dokumenty i materiały*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995.
- Kenez, P. *Civil War in South Russia, 1919–1920: The Defeat of the Whites*. Berkeley, CA: University of California Press, 1977.
- Kodin, E.V., and I.I. Rodionov. “Pol'skie voennoplennye v lageryakh Tsentral'noi Rossii, 1919–1922 gody” [Polish prisoners of war in the camps of Central Russia, 1919–1922]. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*, no. 4 (106) (2021): 21–34. (In Russian)
- Kodin E.V., and I.I. Rodionov. “Repatriatsiya pol'skikh voennoplennykh iz lagerei Tsentral'noi Rossii (1921–1922)” [Repatriation of Polish prisoners of war from the camps of Central Russia (1921–1922)]. *Noveishaya istoriya Rossii*, vol. 11, no. 1 (2021): 72–88. (In Russian)
- Kornilova, O.V. “Krasnoarmeitsy v pol'skom plenu (1919–1922): osnovnye napravleniya sovremennoi rossiiskoi i pol'skoi istoriografii” [Red Army soldiers in Polish captivity (1919–1920): main directions of modern Russian and Polish historiography]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (48) (2019): 355–73. (In Russian)
- Kostyushko, I.I. *Iz istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Pol'skoe byuro TsK RKP(b) 1920–1921 gg.* [From the history of Soviet-Polish relations. Polish Bureau of the Central Committee of the RCP(b), 1920–1921]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2005. (In Russian)
- Kostyushko, I.I., comp. *Pol'skie voennoplennye v RSFSR, BSSR i USSR (1919–1922 gody). Dokumenty i materialy* [Polish prisoners of war in the RSFSR, BSSR and Ukrainian SSR (1919–1922). Documents and materials]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2004. (In Russian)
- Letunovskii, P.V., and A.F. Gavrilentov. “‘Prinuditel'nym trudom, v strogoi trudovoi distsipline iskupayut svoyu vinu...’ Polozhenie pol'skikh voennoplennykh i zaklyuchennykh v Smolenskom kontslagere v 1919–1922 gg.” [‘By forced labor, in strict labor discipline they atone for their guilt...’ Situation of Polish prisoners of war and detainees in Smolensk concentration camp in 1919–1922]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 5 (2023): 100–07. (In Russian)

Matveev, G.F. “O chislennosti plennykh krasnoarmeitsev vo vremya pol'sko-sovetskoi voiny 1919–1920 godov” [On the number of Red Army soldiers in captivity during the Polish-Soviet War of 1919–1920]. *Voprosy istorii*, no. 9 (2001): 120–26. (In Russian)

Mikhutina, I.V. *Pol'sko-sovetskaya voina 1919–1920 gg.* [The Polish–Soviet War of 1919–1920]. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki, 1994. (In Russian)

Mistryugov, P.A. “Polyaki – zaklyuchennyye i voennoplennyye v 1918–1921 godakh (po materialam Samarskoi gubernii)” [Poles – convicts and prisoners of war in 1918–1921 (based on the archives of Samara Governorate)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 17, iss. 4 (2017): 530–34. (In Russian)

Nakhtigal', R. “Voennoplennyye v Rossii v epokhu Pervoi mirovoi voiny” [Prisoners of war in Russia during World War I]. *Quaestio Rossica*, no. 1 (2014): 142–56. (In Russian)

Oplakanskaya, R.V. “Polozhenie pol'skikh voennoplennykh v Sibiri v nachale 1920-kh gg.” [The state of Polish prisoners of war in Siberia in the early 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 384 (2014): 116–19. (In Russian)

Ostrovskaya, I.V. “Ostavit' eti kontsentratsionnye lagerya dlya gospod” [Keep these concentration camps for the masters]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 8 (2011): 46–49. (In Russian)

Raiskii, N.S. *Pol'sko-sovetskaya voina 1919–1920 godov i sud'ba voennoplennykh, internirovannykh, zalozhnikov i bezhentsev* [The Polish-Soviet War of 1919–1920 and the fate of prisoners of war, internees, hostages, and refugees]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1999. (In Russian)

Rezmer, W. “Pol'skie voennoplennyye v sovetskom plenu” [Polish prisoners of war in Soviet captivity]. In *Voennoplennyye 1920* [Prisoners of war 1920], edited by P. Gryz, translated from Polish by I. Mel'nikov, 69–165. Krakow; Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej; Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2020. (In Russian)

Shcherov, I.P. *Tsentroplenbezh v Rossii: istoriya sozdaniya i deyatel'nosti v 1918–1922 gg.* [Tsentroplenbezh in Russia: the history of establishment and activities in 1918–1922]. Smolensk: SGPU, 2000. (In Russian)

Torkunov, A.V., and A.D. Rotfel'd, eds. *Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh* [White spots – black spots: Difficult matters in Polish-Russian relations, 1918–2008]. Moscow: Aspekt Press, 2010. (In Russian)

Vasil'eva, S.N. *Voennoplennyye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody pervoi mirovoi voiny* [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. Moscow: Redaktorsko-izdatel'skii tsentr MGOPU, 1999. (In Russian)

Werth, N., and G. Moullec. *Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels*. Paris: Gallimard, 1994.

Zorin, L. *Soviet Prisons and Concentration Camps: An Annotated Bibliography, 1917–1980*. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1980.

Информация об авторе

Илья Витальевич Удовенко – старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-3293-1497>, ilvitud@gmail.com, Музей истории ГУЛАГа (д. 9, стр. 1, 1-й Самоотечный пер., 127473 Москва, Россия).

Information about the author

И'я V. Udovenko – Senior Researcher, <https://orcid.org/0000-0002-3293-1497>,
ilvitud@gmail.com, Gulag History Museum (9, str. 1, Pervyi Samotyochnyi per., 127473
Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 04.08.2023;
принята к публикации 18.08.2023.

The article was submitted 03.07.2023; approved after reviewing 04.08.2023; accepted for
publication 18.08.2023.